

НОВЫЙ ГРАД

9

CITÉ NOUVELLE

Н О В Ы Й Г Р А Д

под редакцией

И. Бунакова и Г. Фелотова

9

П А Р И Ж

1934

С о д е р ж а н і е :

<i>От редакції.</i>	3
<i>Г. Федотов.</i> Наша демократія	11
<i>И. Бунakov.</i> Покоя не будет	26
<i>П. Биццлли.</i> Проблема свободы в наше время	47
<i>Н. Бердяев.</i> Исканія соціальной правды молодой Франціей	56
<i>А. Савельев.</i> Дѣло Рузвельта	65

И д е и и ж и з н ь

<i>Г. Федотов.</i> Молодая Англія	79
<i>С. Жаба.</i> План труда	81

К н и г и

<i>Н. Лосскій.</i> Сетницкій. О конечном идеалѣ. — <i>Б. С. Ижболдин.</i> Friedrich v. Gottl-Ottlilienfeld. Der Mythos der Planwirtschaft. — <i>Г. Ф. Федор Степун.</i> Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. — <i>Г. Ф. «Меч»</i> ..	89
---	----

От Редакції

Еще одна зима, полная кошмаров, ушла, а катастрофа, нависшая над міром, еще не наступила. Кажется даже, что сгустившіяся тучи войны нѣсколько разсѣялись. Войну предсказывают уже не через мѣсяцы, а через годы. Во всяком случаѣ, Европа получила отсрочку своего приговора, и от нея самой зависит, как она ею воспользуется для своего возможнаго спасенія.

Что же собственно произошло за эту зиму? Произошло то, что анти-версальская коалиція держав, готовившая войну для передѣлки карты Европы, распалась. И развалил ее не кто иной как Гитлер, сумѣвшій сразу оттолкнуть от Германіи двух сильнѣйших союзников: С.С.С.Р. своей беспощадной борьбой с коммунизмом и Италію своим натиском на Австрію, угрожающим в Тиролѣ непосредственно интересам Италіи и косвенно ея вліянію в восточной Европѣ. В этом пока единственные положительные плоды новаго германскаго режима. Вѣроятно, сам Гитлер тут не при чем. Но при том массовом безуміи, каким является націонализм в его современной расистской формѣ, нація, заболѣвшая им, становится опасной для всѣх сосѣдей. Все искусство политиков — вождей больной страны — может лишь в малой мѣрѣ смягчить послѣдствія этого добровольнаго изгойства. (Перестраховка с Польшей).

Парадоксальным образом горячка милитаризма, охватившая Германію, устранила непосредственную угрозу войны. Устранила, но не уничтожила. В мірѣ существуют два фокуса латентной войны, двѣ націи, которыя грезят войной и возлагают на нее свои упованія. Если Германія, в сознаніи своей технической слабости, прикрывает военную подготовку миролюбивыми рѣчами, то Японія словно нарочно создает шум вокруг своей экспансіи. Подобно Германіи, она множит число своих врагов, — повидимому, нерасчетливо и бесполезно — сразу вооружая против себя С.С.С.Р. и Соединенные Штаты. Уже теперь намѣчавшійся русско-японскій конфликт заслонен дру-

гим, болѣе грандіозным по своим міровым отголоскам: японо-американским.

Ослабленіе Лиги Націй и крушеніе конференцій о разоруженіи кладет конецъ эпохѣ бриандизма. Его внутренняя порочность была ясна для всѣх. Он покоился на двусмысленном сочетаніи подлиннаго, хотя и недорого стоящаго миролюбія с защитой своего достоянія: *beati possidentes*. Мы не склонны подозрѣвать в цинизмѣ то, что было лишь человѣческой слабостью. Признаемся, что предпочитаем великодушную слабость уходящей эпохи подлинному цинизму бандитов сегодняшняго дня, для которых національный интерес или мощь не нуждаются ни в каком высшем оправданіи.

Пока воля бандитов скована внѣшней *force majeure*, не все еще потеряно. Правда, Европа вступает в полосу новой погони вооруженій, подобной началу столѣтія, и мы слишком хорошо знаем цѣну «вооруженнаго мира». Однако, поколѣніе, пережившее такую войну, нелегко мобилизовать снова. Носителями военной заразы являются преимущественно тѣ молодые, кто еще не пробовал удушливых газов. Не исключена возможность и внутренней эволюціи или краха несущих войну держав. Эволюція итальянскаго фашизма может дать нѣкоторое удовлетвореніе для оптимистов. Ни один идеальный принцип попрежнему не сдерживает идеологіи безграничнаго національнаго эгоизма, которым живет итальянскій народ. Но здравый смысл вождя обезвреживает до нѣкоторой степени тот яд, которым он отравил душу Италиі. Уже можно говорить об Италиі Муссолини, как о факторѣ европейскаго равновѣсія или даже мира. Пока ничто еще не обѣщает такой же эволюціи гитлеризма. Но она все-таки возможна. Наконец, Японія сдерживается не только воздушным флотом С.С.С.Р., но и слабостью своего собственнаго соціального тыла. Ея классовые антагонизмы, нищета трудящихся масс таковы, что подрывают вѣру в устойчивость этого новаго гегемона Азіи. В один прекрасный день революція может снести ее с такой же легкостью, как и ея соперницу, имперію Россійскую.

Все это, конечно, не фундамент для строителей новаго міра, но лишь передышка, которой они должны воспользоваться. Состязаніе на короткую дистанцію добрых и злых сил за «ку-

бок» жизни европейской культуры — продолжается. С перевсом на чьей сторонѣ?

За эти мѣсяцы демократія, все еще «спящая» (см. № 7 «Новаго Града»), получила ряд новых ударов и предостережений. Она погибла в Австріи, она тяжело ранена в Испаніи, во Франціи она вдруг увидѣла под ногами разверзшуюся пропасть. ¹⁾ Испанская ситуація слишком напоминает — пока — классическую схему XIX вѣка с непремѣнным реакціонным исходом классовых противорѣчій, раздирающих революцію, чтобы обѣщать какіе-либо уроки для будущаго. Очевидно, иберійскій мір (включая латинскую Америку) духовно живет наслѣдіем прошлаго: это арьергард Европы, повторяющій былые бои когда-то мятежной водительницы — Франціи.

Австрійская обстановка, естественно, напоминает ближе всего Германію — с тѣми смягченіями, какія вносит гуманистическій дух старой Вѣны, національная антипатія к гитлеризму и католичество. Как и в Германіи, отступающая демократія нашла своих единственных защитников в лагерь социалистов. Но это обстоятельство явилось и ближайшей причиной ея гибели.

Мы не можем отказать в уваженіи рабочим бойцам Вѣны, павшим с оружіем для защиты свободы. Своей гибелью — предопредѣленность которой, вѣроятно, сознавали сами вожди — они до извѣстной степени смыли позор II Интернаціонала, столь безславно сдавшагося врагу в Германіи. Их бесполезный подвиг может быть сравнен с обреченной же борьбой бѣлой Россіи, которая, будучи не в силах остановить лавину исторіи, спасала по крайней мѣрѣ честь родины. Но, как в Россіи, так и в Австріи, сама идеологія ронсевальских героев заключала в себѣ источник пораженія. Соціалдемократія Австріи, бессильная перестроить общество, стремилась внутри его использовать свою относительную силу в интересах пролетаріата. Это общій порок всего II Интернаціонала. Лишь по Марксу, по схоластической доктринѣ, классовый интерес пролетаріата совпадает с интересами всѣх угнетенных и всего человечества. В дѣйствительности, в Австріи, как и в других мѣстах, относительное рабочее благополучіе покупалось за счет крестьянства и интел-

¹⁾ Уже во время печатанія статьи телеграф принес извѣстіе об анти-парламентских переворотах в Латвіи и Болгаріи. Кто слѣдующій?

лигенции, еще болѣе обездоленных, и вызвало к жизни давно знакомый фашистскій блок. В итогѣ — диктатура геймвера и официальное построение корпоративнаго государства на развалинах парламентской демократіи.

Мы не имѣем данных для оцѣнки корпоративнаго государства Дольфуса. В его отвлеченных принципах мы готовы узнать отраженіе наших идеалов. Новый строй может развиваться в направлении социальной демократіи. Но может оказаться и ширмой для социальной реакціи. Рожденіе его из контр-революціи не является благопріятным симптомом. Легкое наименование «христианским» государственнаго строя, возникшаго на крови и на гибели политической свободы, производит особенно тяжелое впечатлѣніе. Будущее покажет, какое мѣсто в уже многочисленной семьѣ фашистских народов займет Австрія, если — или пока — ей суждено независимое от Германіи существованіе.

Франція, вмѣстѣ с Англіей, оставались до сего дня послѣдней цитаделью парламентарной демократіи. В февралѣ парламентаризм во Франціи получил тяжкій удар. Правительство, опиравшееся на нормальное большинство Палаты, должно было уйти под давленіем мятежной парижской улицы. Коалиціонное министерство, управляющее Франціей, возникло не по почину парламента, который лишь терпит его, как единственную гарантію своего собственнаго существованія. Февральскіе дни вскрыли в парижском населеніи такую ненависть к депутатам — носителям національнаго суверенитета, — которая в сущности исключает возможность представительной демократіи. Правда, Париж не вся Франція. Провинція внесла свои коррективы в настроеніе Парижа и отвела намѣченный правыми государственный переворот. Но, несомнѣнно, что анти-парламентарныя настроенія развиваются широко и в провинціи. Они питаются двумя постоянными фактами французскаго политическаго строя: неустойчивостью парламентских кабинетов и коррупціей. Послѣдняя, впрочем, характеризует не столько политическій, сколько социальный и духовный кризис Франціи. Она разъѣдает не одну политическую среду: суд, полиція и пресса дали свою долю поживы для любителей сенсацій. За всѣми частными скандалами всѣх уличенных и еще скрывающихся Стависских лежит глубокая деморализація французской жизни под

вляніем спекулятивнаго финансоваго капитала. Процент, обособившійся от всякой дѣловой и организаціонной функціи капитала, — процент, как самоцѣль для безчисленных франтъе, не ломающих себѣ голову над использованием помѣщенных ими сбереженій, — и неограниченная жажда наживы финансовых хищников создает обстановку, гдѣ отличить честнаго банкира от Стависскаго до Устрика становится чрезвычайно трудно. Капитал утратил всякое подобіе респектабельности, сохранив почти безграничное вляніе во всѣх сферах публичной жизни. Как же не быть гніенію?

К сожалѣнію, пресса сумѣла заслонить этот основной факт политической и уголовной сенсаціей. Мало кто во Франціи глядит за поверхность явленій. Для одних дѣло Стависскаго сводится к скандалу лѣваго картеля (как пикантна демонстрація парижской биржи, привѣтствующей паденіе Даладье!); другіе не идут дальше раскрытія фашистскаго заговора против республики. Политическая ярость выведеннаго из равновѣсія обывателя обратно пропорціональна его соціальному радикализму. вмѣсто глубоких реформ он удовлетворился бы — фигурально или въ натурѣ — головой противника. Во всем лѣвом секторѣ парламентской Франціи лишь нѣсколько человек, идущих за Маркэ и Бержери (нео-соціалисты и «младорадикалы») ощущают соціальную основу потрясеній. Остальные ищут спокойствія и равновѣсія. Для правых правительство старцев, коалиціонность котораго исключает возможность подлиннаго творчества, кажется достаточным прикрытіем от бури.

Иное мы видим во внѣпарламентских группах и теченіях. Тут соціальныя темы почти всегда доминируют. Приглядываясь к так называемым «фашистским» организаціям (комбатантов, налогоплательщиков, Огненнаго Креста) мы видим ясно выраженные требованія регулированія хозяйственной жизни, борьбы с экономическим кризисом, с финансовым капиталом. Нечего говорить, что идеалистическія группировки молодежи (*Esprit*, *Ordre Nouveau*, *Troisième Force* и др.) всѣ выдвигают соціальную и духовную проблему впереди политической. К сожалѣнію, на улицѣ политика доминирует, и именинниками оказываются неизбежно коммунисты и *Action Française*.

Однако это броженіе соціальной мысли и нравственнаго

чувства показывает, что Франція еще жива. Сейчас можно лишь гадать о том, какое развитие получат духовныя силы пробужденнаго народа, если раковая опухоль капитализма, разъѣдающая его, будет так или иначе удалена. Утѣшительно, что при всей ненависти к режиму, раскрывшейся столь внезапно, нигдѣ не чувствуется ненависти к свободѣ. Очевидно, центрально-европейскій фашизм имѣет мало шансов во Франціи. Но поставленная перед нею проблема — соціальной и политической реформы — сохраняет всю свою грозную остроту. Пока еще не видно и намеков на ея практическое рѣшеніе.

*
**

Россія снова волнует нас загадочными измѣненіями своего еле зримаго от нас лица. Перевернулась новая страница кровавой диктатуры. XVII съѣзд коммунистической партіи прошел под знаком здраваго смысла, борьбы с лѣвацким загибом, с головотяпством низового аппарата. Диктатор свалил на своих подручных вину за фактическій провал пятилѣтки, за подрыв народных сил, за голод и разореніе прошлаго года. Нѣкоторый отказ от доктринерскаго коммунизма замѣтен в деревнѣ: колхозы вмѣсто коммун, частичное возстановленіе личнаго хозяйства, вольнаго рынка. Этого было достаточно, чтобы спасти страну от голода и вернуть ей (как в башкирской сказкѣ об овцах в избѣ мужика) ощущеніе матеріальнаго благополучія. В зарубежьѣ эта перемѣна отразилась преувеличенными ожиданиями в нѣкоторых кругах. Уже провозглашена кое-кѣм націоналізація сталинизма, уже кое-кто начинает укладывать чемоданы для возвращенія на родину. Здѣсь вполне умѣстно примѣнить к себѣ сталинскій совѣтъ — беречься «головокруженія». Сохраним трезвость. Мы не знаем, что принесет завтрашній день, но день вчерашній предупреждает нас. Не одна весна в большевистской Россіи была убита морозом коммунистической реакціи. Нэп Ленина был во-истину передышкой для палачей. Сталин раз уже дал передышку для раскулаченнаго черезчур быстро крестьянства. Послѣ голода прошлаго года новая пріостановка вполне естественна. Она легко может сойти на нѣтъ при первом благопріятном измѣненіи в хозяйственной конъюн-

ктурѣ. Однако есть в этой сталинской веснѣ и кое-что новое. Во-первых, она совпала с крутым поворотом во внѣшней политикѣ. С.С.С.Р. возвращается в систему западных держав, и именно в версальскій (консервативно-демократическій) лагерь, порывая традиціонный союз с Германіей. Опасность с Востока напрягает всѣ силы страны, заставляя власть дѣлать широкія уступки для населенія дальне-восточной окраины и свертывать красное знамя в Европѣ. В войнѣ с Японіей міровой пролетаріат не придет на помощь Россіи, но вполне реальна помощь Соединенных Штатов и, может быть, Франціи.

Но, если для этого сближенія с капиталистическим міром можно искать аналогій из эпохи Генуи и Рапалло, то совершенно не имѣет прецедента частичное свертываніе марксизма внутри страны. Поход против марксистскаго обществовѣдѣнія в школѣ, возстановленіе исторіи, возвращеніе в университет ряда «буржуазных» историков свидѣтельствуеет о разочарованіи в самых методах (или основах?) марксистскаго воспитанія. Может-быть, и это только проблеск здраваго смысла у неизлечимаго маніака, но, может-быть, и первый шаг к выздоровленію. Судить рано. Если же это поворот серьезный, то позволительно задать себѣ вопрос, что он сулит Россіи, каковы новые этапы ея жестокаго пути.

Замѣчательно, что послѣдняя весна в Россіи нисколько не отразилась на режимѣ всеобщаго государственнаго рабства. Скорѣе наоборот, она усиливает режим личной деспотіи. Никогда еще партійная оппозиція (единственная форма политической оппозиціи в Россіи) не была так задушена, как сейчас. Никогда печать не доходила до такого пресмыкательства перед диктатором. В Россіи в этом году не ѣдят людей, но их по-прежнему убивают, а главное, обращают в рабство. Трудом рабов и крѣпостных строятся гиганты заводов, проводятся каналы, колонизуется дикій сѣвер. Самоновѣйшая тенденція в этой области выражается скорѣе в отказѣ от дорогой и неподходящей для Россіи американской техники в пользу дешеваго и безответнаго рабскаго труда. Россія эволюціонирует замѣтно — но в сторону не свободы, а древне-азіатскаго (если угодно, московскаго) крѣпостнаго царства. Отказ от революціонных міровых задач позволяет говорить о фашизаціи большевизма.

Возможно, что сталинизм и есть русская форма фашизма, и что другого фашизма в Россіи не будет. Неблагополучно только с идеологіей. Марксизм непригоден для національнаго обихода, и, хотя сталинскіе философы давно толкуют его на свой лад, тѣм не менѣе разрыв между идеей и дѣйствительностью очень глубок. Лишь безыдейность современной молодежи, надорвавшейся на пятилѣткѣ, позволяет пока закрывать глаза на этот разрыв. Будущее покажет, понадобится ли новый идейный кризис, чтобы смѣнить диктатора и его негодный аппарат, или же вывѣтриваніе марксизма пойдет и дальше в порядкѣ дифференціалов. Одно мы знаем твердо. Сегодняшній облик Россіи нам столь же ненавистен, как и вчерашній. Борьба со сталинским фашизмом является для нас таким же священным долгом, каким была борьба с пережитками ленинскаго коммунизма — на путях к подлинному просвѣтленію лица Россіи.

Наша демократія

Не нужно быть пророком, чтобы видѣть, что парламентарная демократія в Европѣ доживает послѣдніе дни. Страна за страной отрываются от демократическаго берега и бросаются в темныя волны диктатуры в поисках совершенно невѣдомаго новаго строя. В центрѣ Европы Швейцарія и Чехословакія, на сѣверѣ Скандинавскія страны с Голландіей остаются пока единственными устойчивыми островками демократіи. Теперь и Францію нельзя к ним причислить. Но ясно, что, если произойдет обвал Франціи, то никому не устоять. Уцѣлѣет, пожалуй, Англія, с ея системой тысячелѣтней давности — единственная страна, гдѣ парламентаризм туземное, а не привозное растеніе. Может-быть, здѣсь он сумѣет приспособиться к новым требованіям жизни, — хотя и в Англіи недовольство режимом крѣпнет, и, даже помимо слегка комических здѣсь фашистов, растет число приверженцев корпоративной или иной, новаго типа, демократіи.

Ближайшая, самая поверхностная причина, объясняющая столь легкое и повсемѣстное крушеніе демократических режимов, — это их слабость. Демократія нигдѣ не умѣла защищать себя: она погибает почти без сопротивленія. В сущности, эта причина могла бы быть достаточной. Режим гнилой и ненавидимый народу может существовать десятилѣтія, держась на штыках. Зато самый идеальный правопорядок не просуществует и нѣскольких лѣт, даже мѣсяцев, будучи беззащитным. Любой бандит имѣет больше шансов основать государство, нежели философ. Новѣйшая исторія лишній раз подтвердила эту истину. В политикѣ слабость не только несчастье, но и порок. Не умѣя защитить себя, власть тѣм болѣе не в силах осуществлять отвѣтственных рѣшеній, вести народ к творчеству новой жизни. Слабость демократіи сказалась всего сильнѣе в послѣвоенную эпоху, которая воспитала цѣлое поколѣніе на крови, приучив видѣть в насиліи добродѣтель. В этом элементарном смыслѣ демократія гибнет в Европѣ жертвой войны. Это гото-

вы признать всѣ ея защитники, которые пытаются этим фактом смягчить горечь ея утраты: демократія-де слишком хороша для нашего жестокаго времени. Она воскреснет, когда мір преодолѣет кровавый кошмар войны.

Однако, не одна война убивает демократію. Для нея оказывается смертельным и социальный вопрос, перед которым поставлен современный мір. Я думаю, не будет преувеличеніем сказать, что мы живем уже в эпоху социальной революціи, — величайшей, какія знало когда-либо человечество. Современному государству поставлены гигантскія социальныя задачи, не разрѣшив которых, оно гибнет. Огромная отвѣтственность, воля, работоспособность требуются от вождей народа. И в эти дни демократія разоблачает не только свою беззащитность, но и свое безволіе.

В Германіи, гдѣ Гитлер пришел через демократію, она умерла уже раньше естественной смертью. Демократическій режим сдѣлался невозможным из-за отсутствія парламентскаго большинства. Парламентское большинство, которое казалось чѣм-то естественно-данным, само собою разумѣющимся в XIX вѣкѣ, теперь достигается все с большим трудом. Внѣ специфически англо-саксонской системы двух партій, большинство почти всегда создается лишь коалиціей партій, т.-е. цѣной компромисса. Но самая обостренность политической борьбы, самая грозность поставленных исторіей социальных проблем, дѣлает партійное соглашеніе почти невозможным. Так парламент отказывается служить, когда власть всего нужнѣе — как насущный хлѣб. Не удивительно, что народ ищет и создает ее внѣ стѣн парламента.

Исчезновение большинства является результатом партійной системы в обстановкѣ обострившейся политической борьбы. Эта система, непредусмотрѣнная ни в одной из конституцій, во Франціи прямо враждебная духу якобинской республики сдѣлалась жизненно необходимой для парламентаризма. Без нея политическая машина просто не может быть пущена в ход — мы увидим далѣе, почему. Но в итогѣ партійный чиновник или партійный агитатор стал типом парламентарія и поставщиком министров. А ргіогі ясно, что для партійной борьбы требуются иныя качества, чѣм для управленія государством. Крас-

норѣчіе, интриги, вѣрность доктринѣ создают карьеру партійных вождей. Для государства нужны знаніе, опыт и свобода от предвзятых мнѣній. Для большинства партій выборы и выборная борьба исчерпывают круг внѣпарламентской работы. Но в условіях современности, с ея средствами грубой рекламы и массоваго «дѣйствія», выборы развертываются в грандіозную эпопею лжи и гипнотическаго одурѣнія масс. Политическая мысль доводится до крайняго примитивизма. Лозунги сталкиваются с лозунгами, подкрѣпляемые, в лучшем случаѣ, остроуміем, в худшем и обычном — клеветою и игрой на низких страстях: классовой, національной, религіозной злобы. Демагога часто сравнивали с царедворцем. Но царедворцы бывают плохими министрами. Демагог, изучившій искусство льстить народу и вести его к урнам, не может требовать у него жертв и вести на подвиг.

Было время и столь еще близкое, что наше поколѣніе его помнит — когда политик, и именно парламентскій политик, был подлинным вождем народа. Отдавая дань демагогіи (как министр самодержавнаго монарха придворному этикету), он умѣл сохранить вѣрность идеѣ, и служеніе ей очищало его от грязи партійной борьбы. За идеи (свободы, социализма) шли в тюрьмы, умирали, жертвовали всѣм. Такіе политики могли водить за собой, а не только маневрировать. Но, с одной стороны, вырожденіе идей, с другой, коррупція, вносимая в политику финансовым капиталом, убили политическій идеализм. Тип политика измельчал. Люди культуры, просто порядочные люди все болѣе уходят из политической жизни, предоставляя ее ловким ораторам и сомнительным дѣльцам. Политика стала дѣлом презрѣнным, парламентаріи предметом глумленія. Среди них, конечно, есть не мало честных людей. Но в честность их не хотят вѣрить, как не вѣрят в честность министров выродившейся монархіи. Народ не узнает себя в своих представителях. Нельзя и вообразить, что он станет защищать их своей грудью, когда его избранники подвергнутся насилію. Но без этой готовности парламентскій режим невозможен. Он покоится на довѣрїи и на волѣ народа, и не может держаться на полиціи, как монархія — хотя бы в десять раз болѣе упадочная.

Так протекает закат демократіи. Народ ушел от нея — да-

же в тѣх странах, гдѣ она еще существует. Внѣ ея он ищет своих вождей и избранников. Потому что политика не умерла. Наша эпоха безконечно далека от политическаго индифферентизма, и, если чѣм страдает, то никак не малокровіем, а скорѣе полнокровіем политики. К великой соціальной проблемѣ наших дней — один путь: чрез политическую волю, чрез концентрацію всѣх сил народа в отвѣтственном и увѣренном в себѣ водительствѣ. И вожди находятся, вожди ведут — куда?

Фашистскія диктатуры, в такой же мѣрѣ, как и коммунистическая, суть органы для соціальной революціи. Но отвлечемся сейчас от их соціальной роли и взглянемся исключительно в их политическую структуру. Могильщики демократіи, утверждающіе совершенно новый тип государственнаго властвованія, какую политическую форму они несут с собой?

Прежде всего ясно, что, не взирая на абсолютизм их теорій, фашистская форма государства является — по самой природѣ своей — временной и переходной. Она покоится на неограниченном личном обаяніи вождя, который в дисциплинированной партіи концентрирует и направляет революціонную энергію масс. Но всѣ эти три момента преходящи. Вожди старѣют и умирают, партіи перерождаются, народы изживают революціонную лихорадку и возвращаются к мирному труду. Кто будет нести государство, кто будет выражать «народную волю» в пореволюціонную эпоху? Теоретически здѣсь возможны три случая. Или фашизм есть мост к цезаризму, к наследственной имперіи, гдѣ вчерашняя партія перерождается в бюрократическій аппарат. Тогда впереди слишком знакомая полоса абсолютизма с его возможностями технической цивилизаціи, но с непремѣнным отмираніем политики и, постепенно, всякаго динамическаго напряженія в духовной культурѣ. — Новая имперія Діоклетіана-Константина, как ее провидит Шпенглер. Второй возможный исход — это партія, «отбор», который увѣковѣчивает себя в качествѣ новой аристократіи организаторов труда. Он становится новым классом или даже кастой — быть может, наследственной. В перспективѣ сначала духовная, а потом, может-быть, и физическая деградація масс, поработенных новым «сверхчеловѣчеством». — Это одна из утопій Уэльса. И, наконец, остается третья возможность — демократической

эволюціи фашизма. Эта возможность заложена в создаваемой им корпоративной (или совѣтской) системѣ. Если она окажется достаточно жизненной, то именно она может пережить и замѣнить сошедшаго со сцены вождя и выродившійся партійный отбор. Но корпорація строится снизу, это форма организаци и самоуправленія трудящихся масс. Сама из себя она способна создавать и квалифицированный отбор и вождей — необходимые, по Аристотелю, аристократическій и монархическій моменты всякаго, и демократическаго государства. Тогда фашизм будет лишь переходной ступенью к новой, корпоративной или социальной демократіи. И это единственный, по нашему убѣжденію, исход, который спасает европейское человѣчество — или, по крайней мѣрѣ, создает социальныя условія для спасенія — от гражданской смерти.

Мы исходили из предположенія об имманентной эволюціи фашизма. Если в этот процесс вмѣшается революціонный фактор, он может воздѣйствовать в пользу демократическаго исхода. И, наконец, у демократіи есть еще не малыя площади на политической картѣ Европы и Америки, гдѣ она вольна распорядиться своей судьбой: вольна избавить свои народы от горькой чаши тираніи и сама выполнить ту задачу, которую — выполнит или нѣтъ фашизм, неизвѣстно, — но которую он провозглашает своим дѣлом. Эта задача двойкая: экономическое преобразование общества и созданіе новых политических форм социальной демократіи. И мы видим, что Америка в серьез и вплотную подошла, по крайней мѣрѣ, к первой из этих задач. Итак, вопреки очевидности сегодняшняго дня, мы убѣждены, что для демократіи не все потеряно. Что ей принадлежит будущее. Когда разсѣется пыль, окутывающая мѣсто стройки, когда уберут лѣса, новое зданіе европейскаго общества — столь же отличное по своему стилю от XIX вѣка, как архитектура Лекорбюзье от класической *Chambre des députés* — будет все же новой формой демократическаго, а не иного государства. Демократія умерла, да здравствует демократія!

Для большинства, как друзей, так и врагов демократіи в наши дни она неразрывно связана с формулами XIX вѣка. Ея защитники и противники берут ее en bloc — так, как она сложилась в буржуазно-парламентарных странах уходящей эпохи.

От того имя ея стало теперь ненавистным для новых поколѣній. Партія, которая рискнула бы теперь написать на своем знамени демократію, даже нео-демократію, теряет много шансов на популярность. «Новый Град» не партія, «Новый Град» не популярен, нам нечего терять, и потому мы защищаем демократію.

Но, защищая, прежде всего необходимо опредѣлить ее. Что мы считаем постоянным и существенно цѣнным содержаніем этой идеи в измѣнчивости ея исторических форм? Историк всегда говорит о демократіи в ином, болѣе широком смыслѣ, чѣм политик. Для послѣдняго она явленіе конца XIX вѣка, для перваго она дана в республиках древней Греціи и Рима, в средневѣковых коммунах, в Великом Новгородѣ — в таких формах, которыя имѣют мало общаго с современным парламентаризмом. Что же такое демократія?

Я отвлекаюсь от чисто соціального пониманія ея, как строя, дѣйствующаго в интересах народных масс, низов народа. В этом смыслѣ фашизм и коммунизм, конечно, демократичны, — как, может-быть, демократичны по своим тенденціям древне-московское царство и диктатура цезарей. В политической демократіи народ является чѣм-то большим, чѣм объектом попеченія власти. Демократія сама есть власть народа. Источником власти в ней является народная воля. Из этих понятій, смысл которых теперь почти утрачен, надо исходить. Попробуем анализировать понятіе власти или воли народа, чтобы найти его политическую сердцевину. Мнѣ думается, что оно содержит всѣ равно необходимыя идеи. Первая относится к символу, вторая к соціальной дѣйствительности. Символ в политикѣ не послѣдняя вещь. Для иных форм, на примѣр, для монархіи, — это все. Монархія живет исключительно силой ирраціональнаго символа. Но и демократія живет ею, и когда мистика символа умерла, вырождается и политическая форма. Этот символ, эта мистика в демократіи есть имя народа. В демократіи все вершится именем народа, как в Англіи именем короля (почему Англія и не может быть чистой демократіей). Народ мыслится живой личностью, болѣе глубокой и мудрой, чѣм всѣ составляющія его личности — «сыны народа». Его волю, нерѣдко глубоко скрытую, нужно найти

и исполнить. Если эта воля может погрѣшать, то она же несет в себѣ и возможность искупленія. Эта мистика народа, существовавшая в язычествѣ и в христіанствѣ, у нас всего ярче выражена была славянофилами, которые не зря связывали ее с идеей соборности. Позитивизм к ней слѣп и глух. Он пытается «очистить» демократію от ея мистическаго привкуса, и этим подрубает самые ея корни.

Этой мистики демократіи, однако-же, недостаточно. Мы знаем, что славянофилы не были демократами, ибо передавали царю всю силу власти. Необходима политическая реализація «народной воли». Как опредѣлить ее? Всеобщим голосованіем? Плебисцитом? Но плебисцит, устанавливающій имперію Наполеона, кладет конец демократіи. Римская имперія всегда хранила память о своем происхожденіи из народной воли. Декреты сената и военныя пронуinciamento, передававшія неограниченную полноту власти новому цезарю, свидѣтельствуют о демократическом происхожденіи принципата. Но принципат не демократія. Вѣрно то, что голосованія, независимо от их способа и формы, составляют неотъемлемую черту демократической техники власти. Но суть не в них, а в чем-то, что лежит за ними. Это «что-то» мы могли бы опредѣлить, как самоуправляющійся народ. В демократіи народ не слагает с себя заботы об «общем дѣлѣ» — *res publica*, — но весь, в полном составѣ своих граждан, несет государственное служеніе и государственную отвѣтственность. Конечно, это служеніе ложится не на всѣх в одинаковой мѣрѣ: не одинакова и та политическая отвѣтственность, которая падает на каждого. Еще важнѣе подчеркнуть, что самоуправленіе народа, проведенное послѣдовательно, принимает формы не только государственнаго народовластія, но и мѣстнаго, муниципальнаго и профессионально-хозяйственнаго самоуправления. И послѣднія, частныя формы, быть может, для народных масс являются болѣе существенными, чѣм высокая политика, участіе в которой всегда грозит сдѣлаться номинальным для непосвященных. Во всяком случаѣ, лишь на основѣ частных самоуправленій может строиться политическая власть народа. Без этой основы демократія ничѣм не защищена от перерожденія в цезаризм. Для демократіи существенно, чтобы каждый гражданин в той или

иной формѣ, свободно и активно участвовал в организаци и творествѣ «народной воли». Номинальное равенство в этом участіи (достигаемое счетом голосов) является лишь одной из разновидностей демократическаго принципа, характеризующей демократію новаго времени, но никак не всѣ историческія формы ея.

Среди основоположных цѣнностей демократіи в наше время часто указывают на неотъемлемость личных прав и свобод. В порядкѣ цѣнностей свобода личности для христіанскаго политика стоит безспорно на первом мѣстѣ: она превышает всѣх политических форм. Но сама она не является политической формой, тѣм менѣе связанной непременно с демократіей. В нашу эпоху демократія восприняла свободу личности в наслѣдіе от буржуазнаго либерализма, который совсѣм еще недавно противопоставлялъ себя демократіи (Токвиль). Но тема свободы — от государства — совершенно иная, чѣм тема власти — в государствѣ. Поэтому в дальнѣйшем мы совершенно отвлекаемся от момента свободы и говорим о демократіи лишь в смыслѣ самоуправляющагося народа, именем народа осуществляющаго государственную власть.

Современная демократія, дважды рожденная — пуританской революціей в Англии и якобинской во Франціи — несет в себѣ печать неизгладимой двойственности, — хочется сказать, двуличія. Первично-христіанское благородство ея глубоко искажено прививкой атеистическаго матеріализма XVIII вѣка. В этом отношеніи она вполне раздѣляет судьбу свободы. Свобода, рожденная под знаком христіанской свободы совѣсти, скрестилась с буржуазной свободой торговли (третья линия родословной ведет к феодальной свободѣ лица). Экономическая свобода, сдѣлавшаяся невозможной в наше время, психологически скомпрометировала и христіанскую свободу совѣсти. Наш долг — христіанских свободолюбцев — очистить нашу свободу от сомнительных примѣсей, размежеваться с буржуазной свободой собственности. Но та же задача стоит перед нами и в отношеніи демократіи. В предыдущем номерѣ «Новаго Града» мы пытались установить вѣчныя христіанскія основы демократіи: идею народа Божія, соборно ищущаго и осуществляющаго Его волю. Не останавливаясь сегодня на этом иде-

альном ликѣ демократіи, посмотрим, в чем буржуазный рационализм исказил его и как должна его выпрямить чаемая нами новая демократія.

Эти искаженія, всѣ вытекающія из атомистическаго представленія об обществѣ и из борьбы интересов как содержанія политики, могут быть сведены к трем основным заблужденіям.

1. Участіе во власти есть право и интерес каждой личности. Человѣческіе особи-индивидуумы, равные в своих правах и функціях, строят государство путем борьбы и соглашеній, для защиты своих интересов. Политическій индивидуум-гражданин вырывается из всѣх органических соціальных ячеек и групп, в которых протекает его жизнь, и одиноко противостоит государству в выраженіи своей политической воли. Воля народа есть сумма или ариѳметическая функція всѣх частных волей. Отсюда стремленіе современной демократіи к скрупулезному выравниванію шансов (голосов) отдѣльных волей — что, дѣйствительно, достигается всего совершеннѣе в системѣ всеобщаго, равнаго и прямого голосованія. Но так как очевидно, что всѣ выраженія личных волей, по своей дробности и необозримому множеству, не могут быть сведены к единству, то граждане объединяются в территоріальные округа, не по общности мѣстных интересов (средневѣковый принцип), а просто по смежности. Но и ограниченные локально округа все же слишком обширны, чтобы граждане сами могли договориться о кандидатах. Отсюда посредничество партій, которыя берут на себя выраженіе коллективных волей. Без партій современная демократія существовать не может, но партіи явно и жестоко искажают выраженіе индивидуальных волей. Дѣйствительно, за исключеніем немногочисленных членов партійных организацій, остальные граждане лишь в нѣкоторых пунктах раздѣляют взгляды той партіи, за которую они голосуют. Большинство, быть может, раскалывается почти равным отвлеченіем к конкурирующим программам и в концѣ концов голосуют не за свой политическій идеал, а за наименьшее зло. В результатѣ та парадоксальная ситуація, которую мы видим в наши дни. Парламент, вышедшій из всеобщаго голосованія, может вовсе не пользоваться довѣріем страны — быть одинаково

противным большинству граждан, которые, обманутые посредничеством партіи, не видят в нем собранія своих избранников. Попытки исправленія територіальной системы представительства введеніем пропорціональнаго принципа лишь закрѣпляют господство партійнаго режима.

2. Представительство народа, его законодательный корпус, должно быть возможно точным отраженіем интересов и настроеній в странѣ. Политическая карта парламента есть повтореніе, в уменьшенном масштабѣ, политической карты страны. Пропорціональная система является идеалом этого соотвѣтствія. Но из этого принципа прямо вытекает невозможность построенія общей воли — воли народа. Партійное большинство, как мы знаем, есть явленіе рѣдкое, скорѣе исключеніе, чѣм правило, при развитой партійной дифференціаціи. Депутаты, связанные своей программой — часто императивным мандатом партіи, — не имѣют ни воли, ни даже права на соглашеніе, которое представляется измѣной партіи и избирателям. Так національное единство разбивается в куски в угоду борющимся за власть кликам, из которых ни одна не может обезпечить себѣ побѣды.

3. Власть, т.-е. исполнительная власть, есть приказчик народа. Она должна держаться в строгих рамках данных ей инструкцій. Организованное недоувѣріе к власти и самый придирчивый контроль ея считаются добродѣтелью демократіи. В нѣкоторых странах (французскаго типа) постоянная смѣна правительства является результатом этого контроля. В итогѣ у правительства нѣтъ ни времени, ни свободы дѣйствій ни для одной широкой и отвѣтственной реформы. Текущія дѣла и борьба за самосохраненіе исчерпывают энергію политиков, стоящих у власти, как борьба за власть — вождей оппозиціи. Оттого-то парламентскіе режимы оказываются неспособными ни к проведенію соціальной реформы, ни даже к самозащитѣ от революціи.

Всѣм этим демократическим ересям мы противопоставляем слѣдующія положенія, вытекающія из нашего пониманія органической демократіи.

1. Участіе во власти не есть право личности, а ея долг. Власть не пирог, который дѣлится между сотрапезниками, не акціонерная компанія для общей прибыли. Власть общее дѣ-

ло, требующее общих жертв. Власть народа строится, исходя из цѣлаго, а не из его частей. Народ осуществляет свою волю через посредство своих естественных или создаваемых им органов — групп, из которых слагается социальное тѣло. Через эти группы личности связаны с государством. Их прямое дѣйствіе (подобно плебисциту) является исключеніем. Косвенность выборов (выраженіе, имѣющее смысл лишь с индивидуалистической точки зрѣнія) есть иное выраженіе того же самого факта, что группы, а не личности являются политическими органами государства. Равенство избирательных голосов не может быть учтено в органической системѣ и оно не является даже идеалом, ввиду неравенства сил для служенія общему дѣлу. Всеобщность голосованія остается постулатом социальнаго воспитанія, как школа общей жертвенности, общей работы и общей отвѣтственности. Законные интересы личности обеспечиваются при этом ея правами, а не ея властью. Независимо от доли своего политическаго вліянія, она имѣет неприкосновенную для государства и общества сферу свободы, — свое святая святых, — у порога котораго, как в средневѣковом иммунитетѣ, останавливается всякій агент государства.

2. Представительство народа есть отбор лучших — мудрых и справедливых — для отысканія и творчества (а не выраженія) народной воли. Народная воля не дана непосредственно. В наличности имѣется лишь хаос противорѣчивых мнѣній и интересов. Построить политическій порядок из этого хаоса есть творческая задача, выходящая далеко за предѣлы компромисса. Всякая политическая проблема (дипломатическая, хозяйственная, административная) есть прежде всего проблема совершенно подобная научной, художественной или технической задачѣ. Никакой подсчет мнѣній или их балансированіе не приблизит нас к рѣшенію задачи, которая дается только творческим усиліем. Момент соборованія, т.-е. сосредоточенія общих воль, направленных к единой цѣли, может быть могущественным фактором, и в нем сила и правда демократіи. Но для него должны быть даны непремѣнныя условія. Прежде всего, искомое рѣшеніе до самого конца должно оставаться неизвѣстным. Ни граждане, посылающіе депутатов, ни депутаты,

собравшіеся вмѣстѣ, еще не знают — не должны знать (могут лишь догадываться) об идеальном рѣшеніи, которое они примут. Ибо это рѣшеніе должно сложиться в итогѣ общей работы. Способность переубѣждаться, готовность к отказу от всѣх своих привычных идей и предразсудков должна быть первой добродѣтелью народнаго избранника. Теперь он боится измѣнить партіи и предает народ. В органической демократіи единственным, связывающим его мандатом, будет его совѣсть и его пониманіе общаго блага. Легко видѣть, что этому идеалу современный парламент удовлетворяет в меньшей степени, чѣм даже совѣтъ средневѣковаго или абсолютнаго монарха — Боярская Дума древней Руси или Витанагемот англо-саксонских королей.

Из сказаннаго слѣдует, что выборы должны быть построены не на оцѣнкѣ программ, а личных качеств кандидатов. Лишь общая направленность его идей может быть учтена при выборах. Но выборы на основѣ личной годности осуществимы лишь в узких группах, связанных общностью жизни и работы, т.-е. всего естественнѣе в группах профессиональных. Партіи могут существовать как лиги для пропаганды извѣстных идей. Во всяком случаѣ избранный не может принадлежать ни к какой партіи или обязан выйти из партіи в момент избранія.

3. Власть есть водительство народа, а не служба приказчика, выполняющаго хозяйскія указанія. Власть получает от народа лишь общія заданія, лишь цѣли для политическаго дѣйствія. В отысканіи нужных средств, зависящих от измѣнчивой политической обстановки, в энергіи и тактѣ примѣненія этих средств заключается политическое искусство властвованія. Ибо власть есть искусство, и талантливый вождь подобен художнику. Всякое дѣло может быть испорчено неловким выбором средств. Безтактность вождей или стоящих за ними групп может вызвать, на примѣр, войну, которой не хотят ни они, ни народ. Раз выбранная из многих возможностей линія поведенія должна проводиться послѣдовательно, не считаясь с критикой, которая исходит из совершенно иных предпосылок и не обладает нужной компетентностью. Это значит, что власть должна быть сильной, независимой от Совѣта законодателей и отдавать отчет в своих дѣйствіях лишь по истеченіи достаточ-

наго срока своих полномочій. Создается ли она избраніем законодателей или плебисцитом всего народа, это вопрос второстепенный, хотя, при исключеніи партій из избирательной борьбы, плебисцит возможен лишь при высокой политической сознательности масс. Современный американскій президент или римскій консул всего болѣе удовлетворяют идеалу сильной демократической власти. Впрочем и политическое развитіе Англии движется в том же направленіи.

Таковы общіе принципы, которые ложатся в основу «неодемократіи». От них до конкретнаго проекта государства дистанція огромнаго размѣра. Она может быть заполнена не теоретическим прожектерством, а политическим опытом. Но этот опыт в самых разнообразных (в том числѣ и демократических) режимах согласно указывает на то, что формой новой демократіи призвана стать демократія корпоративная или синдикальная. Сама по себѣ база органической демократіи может быть различна: родовая, семейно-племенная на зарѣ исторіи, цеховая в Средніе вѣка, територіально-областная в эпоху, когда квартал, деревня, город, область были живыми коллективами. Современный человек из всѣх соціальных связей сохранил и развивает преимущественно связи профессионально-корпоративныя. Профессиональная структура является единственным наслѣдником, которому умирающая партійная демократія может передать свое наслѣдство.

Корпоративная демократія еще не родилась, но уже подвергается острой критикѣ. Указывают, что представительство профессій узаконяет борьбу интересов и разлагает государственное единство. В идеѣ, корпорація является представительством не интересов, но призваній, различных форм соціального служенія. Однако было бы фантастическим идеализмом закрывать глаза на возможность между-профессиональной борьбы. В извѣстных границах соціальная борьба несет в себѣ условія движенія, прогресса. Гармоническое общество невозможно: да оно являло бы картину застоя. Необходимо лишь, чтобы идея цѣлаго господствовала над всѣми частными идеями. В государствѣ корпорацій идея цѣлаго представлена центральной властью, и сильная, независимая власть, особенно в первый період новаго режима, является необходимостью.

Извѣстный противовѣс опасностямъ корпоративнаго строя можетъ быть найденъ въ дуализмѣ представительства. Вторая палата можетъ быть построена на территориальномъ началѣ. Территоріи не до конца утратили свой органическій смыслъ, и ихъ представительство, какъ органовъ народнаго самоуправленія, избранныхъ на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, можетъ дополнить представительство профессій. Если демократическимъ странамъ суждено избѣжать фашистской революціи, то ихъ социальная перестройка естественно должна начаться съ присоединенія къ парламенту новой «экономической», корпоративной палаты. Совмѣстное ихъ существованіе, съ неизбѣжнымъ расширеніемъ функцийъ младшей сестры, на опытѣ покажетъ силу и слабость новой системы. Въ Совѣтской Россіи исходнымъ моментомъ для развитія новой демократіи является совѣтскій строй, который представляетъ сочетаніе профессиональнаго и территориальнаго представительствъ. Въ этой области все принадлежитъ эксперименту. Доктринерство корпоративизма можетъ быть такъ же опасно, какъ доктринерство парламентаризма.

При этомъ никакъ нельзя забывать, что весь смыслъ корпоративнаго государства — въ осуществленіи трудового социальнаго строя. Повторяемъ сказанное выше: въ наше время политика есть функція экономики. Самое остроумное рѣшеніе политической проблемы бесполезно, если оно не приведетъ къ радикальному пересозданію общественной, прежде всего экономической, жизни. Сила и значеніе корпорацій въ политикѣ всецѣло зависятъ отъ той роли, которую онѣ будутъ играть въ хозяйственной жизни народа.

И, наконецъ, послѣднее — и самое важное замѣчаніе. Не достаточно и социальной революціи, чтобы созданный ею социально-политическій строй явился органическимъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ строй буржуазный. Органичность не прокламируется декретами, не создается революціями. Напротивъ, революціи по существу своему враждебны органикѣ и скорѣе разрушаютъ всѣ остатки органическаго быта. Явный порокъ коммуно-фашизма — въ томъ, что онъ подмѣняетъ внутреннюю органичность новымъ механизмомъ, замѣняя страшнымъ механическимъ давленіемъ государства отсутствіе внутреннихъ скрѣпъ. Нельзя на-

дѣяться, что под длительным дѣйствіем прессы атомы личностей образуют новыя органическія ткани. Скорѣе всего, они засохнут и умрут, ставши элементами новаго робота — государства, — если новая духовная революція не остановит и не повернет назад этот механизующаго потока. Дух должен проснуться в человѣкѣ. Из единого духовнаго центра должна строиться вся его жизнь. Всѣ социальныя отношенія должны вновь сдѣлаться, как нѣкогда, органами религіознаго всеединства, чтобы правда об органическом обществѣ не превратилась в новую ложь. Фашизм смутно предчувствует эту правду, но — сам послѣднее порожденіе механическаго вѣка — несет в себѣ новыя опасности духу, еще не до конца задохнувшемуся в буржуазном тлѣніи. Только христіанство может дать крылья рождающейся социальной демократіи и спасти ее, а вмѣстѣ с ней и всю культуру старой Европы от титанически-шпенглеріанскаго заката.

Г. Федотов.

Покоя не будет

В № 5 «Новаго Града» была напечатана моя статья «Хозяйственный строй будущей Россіи». Содержание ея слѣдующее. В Россіи происходит громадный хозяйственный переворот. Старое капиталистическое хозяйство снесено начисто. Носители его уничтожены. Все хозяйство страны коллективизировано и этатизировано, как во времена фараонов. Все оно ведется по плану и из одного центра — свободной хозяйственной стихіи не оставлено и малаго уголка. И, вмѣстѣ с тѣм, — цѣною неимоверных страданій народа, на крови и костях русских людей — произведен громадный техническій переворот. В земледѣліи уничтожены миллионы межей и земля сбита в хозяйственные блоки, с новыми сѣвооборотами, с парками с.-х. орудій и тракторов. В промышленности созданы новыя отрасли производства, открыты новыя залежи, выстроены «Днѣпрострои» и гигантскіе заводы. Городское населеніе охватило почти треть жителей страны, и миллионы крестьян превратились в городских рабочих. Россія становится индустриальным государством и быстро приближается к тому хозяйственному типу, который представляют собой С.Ш. Сѣверной Америки. Такого хозяйственного наслѣдства, которое получит будущая Россія на другой день послѣ паденія большевицкой власти. Как этим наслѣдством она должна распорядиться? Если бы совѣтское хозяйство было только продуктом больного творчества отвлеченных фанатиков, если бы остальной мір продолжал хозяйствовать в старых формах капиталистическаго строя, если бы хозяйственная свобода по-прежнему вдохновляла людей на строительство, самое простое и разумное для Россіи было бы вернуться на старые пути: денационализировать землю и промышленныя предприятия, передать хозяйство в частныя руки, дать простор игрѣ хозяйственных сил. Стихія хозяйственной свободы скорѣе всего другого залѣчила бы раны, нанесенныя Россіи большевицким безуміем. Но, в дѣйствительности, дѣло обстоит не так.

Совѣтское хозяйство не просто плод больного творчества фанатиков — несмотря на свою дикость и крайности, оно строится на путях, по которым движется хозяйство всего мира. Все мировое хозяйство переживает громадный переворот. Капиталистическая система хозяйствования выродилась и разложилась. Стихия хозяйственной свободы больше не «несет». Капиталистический строй — предмет ненависти всего молодого поколения. Мировое хозяйство перестраивается на новых основах — плана и управления; коллективные и государственные формы хозяйствования занимают свое место наряду с индивидуальными. Мир переживает грандиозную хозяйственную революцию — стоит на пороге новой хозяйственной эры. При этих условиях предполагать возможность возвращения России на старые хозяйственные пути — нелепость. Капиталистическая реставрация России не дана — для этого она не найдет ни капиталов, ни кадров. Попытка такой реставрации грозит новой хозяйственной катастрофой. Капитализм в одной стране так же невозможен, как и социализм. Отсюда хозяйственная программа будущей России — «50-лѣтка» Нового Града. Послѣбольшевицкое государство раскрѣпостит русское народное хозяйство и труд — восстановит рынок и собственность, даст свободу торговли, ремесла и промышленного предпринимательства. Но все это в рамках охватывающего народное хозяйство плана и под твердым своим руководством. И оно сохранит за собой основные отрасли крупной промышленности, оптовую торговлю и верховное право на землю. Словом, послѣбольшевицкое хозяйство не будет совѣтски-крѣпостным, но и не станет свободно-капиталистическим. Это будет плановое хозяйство с преобладающим государственным и общественным сектором. В какой-то исторической перспективе оно сойдется с мировым хозяйством на путях хозяйственной демократии. — Таковы основные положения моей статьи.

На эти положения представил свои возражения П. Михайлов в статье «Размышления у врат Нового Града», напечатанной в № 6 нашего журнала. Возражения его сводятся к слѣдующему. Мое предвидѣние хозяйственного строя будущей России было бы правильным при одном условии: если бы, послѣ падения большевицкой власти, сразу же наступило полное от-

резвление народа, готовность его приступить к восстановлению государства по самому рациональному плану. Но этого не дано. Я не предвидѣл психическаго явленія, которое можно возвести на степень историческаго закона. У общества нѣтъ собственной ритмики развитія. Но общество состоит из людей. Человѣческая же природа неизмѣнна. Жизнь людей подчинена своей особой ритмикѣ — ритмикѣ «подъемов» и «депрессій». Революція и есть такой психическій «подъем» масс. И русская революція в значительной степени была обусловлена накопившимся в военное время нервным подъемом народа. Но никакой подъем не может длиться безконечно. В какой-то момент подъем смѣняется «депрессіей». Депрессія выражается: в усталости от революціоннаго «строительства», в нежеланіи чего-то добиваться, куда-то и к чему-то стремиться, за что бы то ни было бороться. Період депрессіи и есть період послѣреволюціонной реакціи. Послѣреволюціонный режим — режим передышки, санаторнаго лѣченія, побѣды «обывательщины» над гражданственностью и государственностью, торжества индивидуальнаго начала над началом коллективности. Everingham хочет, чтобы его оставили в покоѣ, никуда не звали, не тащили, и никакой новой общественной нагрузки на него не наваливали. Такой же будет послѣреволюціонная реакція и в Россіи. Это будет эпоха усталости и жажды покоя. Ни о каком строительствѣ Новаго Града русскій народ не захочет и думать. Русская революція была коллективистична и строила жизнь по «плану». Реакція выразится в недовѣрїи ко всяким «планам», к коллективным отношеніям, к всему, что предполагает подчиненіе общественному руководительству. Обывательскій либерализм и индивидуализм будут торжествовать по всей линіи. В силу психических законов, управляющих душевной жизнью людей, русское восстановление будет происходить анархично, вразброд, ощупью, образуя то, что зовется «періодами первоначальнаго накопленія». Ибо для русских людей, переживших большевицкую тиранию, минимальная гарантія личной неприкосновенности и свободы личной инициативы в хозяйствованіи будет единственно желанным и жизненно-необходимым. Адам Смит и Іеремія Бентам, отжившіе на Западѣ, как раз придутся по вкусу пореволюціоннаго русскаго «новаго человѣка» и будут его идеологами.

— Что же будет с эмигрантскими пореволюціонными теченіями и идеологами «Новаго Града»? То же, что стало с пореволюціонными идеологами Франціи (Сен-Симон, Фурье, О. Конт): они составили не «Орден», а небольшую и по началу весьма мало вліятельную секту, оплодотворившую в послѣдствіи французскую политическую мысль XIX вѣка. Так же будет и с русскими пореволюціонными теченіями: они планируют Новый Град, рисующійся им чѣм-то вродѣ Чикаго или Нью-Йорка, — и скажут спасибо, если им будет позволено спастись в захолустном скиту. На худой конец — и это ничего. Рано или поздно жизнь проложит к скиту тропинку. — Таковы основныя возраженія П. Михайлова.

Кто из нас прав? — Этот вопрос не заслуживал бы обсуждения, если бы дѣло шло о научном историческом анализѣ: историческое предвидѣніе наиболѣе спорная дисциплина в наукѣ. Но дѣло идет не о теоретическом анализѣ. И «Новый Град» — не научный журнал. «Новый Град» — лабораторія общественнаго творчества, чертежная архитектора, в которой вырабатываются планы и проекты новаго общественнаго строя. Работа в этих условіях, без интуиціи эпохи, без прозрѣнія будущаго, так же бесплодна, как чертеж зданія, без указанія, гдѣ оно будет строиться и из каких матеріалов. Нелѣпо чертитъ план величественнаго «Града» для людей, требующих покоя и санаторнаго лѣченія. Но так же нелѣпо укрываться в захолустном скиту перед поколѣніем, полным энергіи, вѣры в свои творческія силы и жаждущим «передѣлать мір».

Почему П. Михайлов думает, что в человѣческой исторіи эпохи подъема смѣняются эпохами депрессіи, революціи — реакціями? Вѣдь, он знает, что никаких «исторических законов» не существует, что у общества нѣтъ собственной ритмики разных людей, из которых и слагается общество? Но, если она существует, она дѣйствует в предѣлах одного и того же поколѣнія и не распространяется на другія. Россійскую революцію сдѣлали люди, родившіеся в послѣднія десятилѣтія XIX вѣка. Многие указывает, что они устали и хотят покоя. Потому в их средѣ так и развиты «реакціонныя» настроенія. Но в настоящее время в Россіи живут 100 милліонов людей, родившихся

послѣ 1905 года. Они революціи не дѣлали и даже не пережили ея сознательно. Можно быть какого угодно мнѣнія о современной русской молодежи, но одно несомнѣнно: она крѣпка и упорна — полна энергіи и бодрости. И, однако, именно она опредѣляет жизнь современной Россіи. И тоже можно сказать о молодежи других стран — Германіи, Италіи, а в послѣднее время, пожалуй, и всей Европы. Поколѣніе, пережившее «подъем» Великой войны, устало и сходит со сцены. Историческую авансцену занимает новое поколѣніе не участвовавшее в войнѣ и снова рвущееся к подвигу и дракѣ. Ясно, что ритмика жизни отдѣльных людей далеко не опредѣляет ритмики развитія всего общества. Да и существует ли она вообще? Развѣ мы не знаем эпох, когда цѣлыя поколѣнія жили в «подъемѣ» — эпох великих переселеній, арабских завоеваній, Ренессанса? И, с другой стороны, развѣ мы не знаем народов, которые вѣками жили в «депрессіи»? Не является ли вся эта ритмика подъемов и упадков, революцій и реакцій простым описаніем однократнаго историческаго событія, опредѣлившаго и подавившаго наше современное историческое сознаніе: «подъема» Великой Французской Революціи и наступившей за ним «депрессіи» эпохи реакціи?

Но допустим, что П. Михайлов прав, что в человѣческой исторіи эпохи подъема смѣняются эпохами депрессіи, революціи — реакціями. Каков темп этой исторической ритмики? Какова длина «кривой», описывающей историческій цикл подъема и упадка? Попробуем опредѣлить их на примѣрѣ вышеуказаннаго цикла — Великой Французской Революціи и смѣнившей его реакціи. Что такое «Великая» Французская Революція, в свѣтѣ современных событій? — Вулканическій взрыв мѣстнаго характера — небольшой глубины и ничтожнаго района дѣйствія. Он смѣнил одну правящую верхушку другой, не нарушив пирамидальнаго строенія общества и почти не затронув имущественных отношеній между классами: перемѣщеніе земельной собственности из рук в руки было незначительно по размѣрам и коснулось только нѣскольких сот тысяч владѣльцев. И еще болѣе ничтожен был район дѣйствія этого взрыва. Он захватил только одну «часть» земнаго шара — географически, маленькій западный полуостров великаго Сѣвернаго ма-

терика — и в этой части одну европейскую провинцію — Францію с ея окраинами. Остальныя провинціи, если и реагировали на революціонный взрыв, то обратным дѣйствіем — «реакціонно». По существу, историческій «цикл» Французской Революціи и наступившей за ней реакціи надо разсматривать не как смѣну одной эпохи «подъема» другой — «упадка», а как борьбу революціонной Франціи с остальной реакціонной Европой. Реакціонная Европа побѣдила. Французская революція была удушена. Не будь это так, ритмика развитія французской націи в эту эпоху могла быть иной: революціонный хаос смѣнился бы революціонной диктатурой, революціонная диктатура — буржуазной республикой, т.-е. тѣм строем, к которому революція и шла. Ни «депрессіи», ни «реакціи» могло и не быть. И, тѣм не менѣе, несмотря на далеко не имманентную ритмику развитія революціонныхъ событій Франціи, кривая подъема Великой революціи охватила цѣлую четверть вѣка — от 1789 г. до 1814 г. Реакція эпохи Директоріи была поверхностна и не коснулась народныхъ масс. «Удовлетворенные» хотѣли порядка и закрѣпленія «завоеваній», но не допускали и мысли о возвращеніи назад. Побѣдные марши Наполеона еще питались революціоннымъ паѳосомъ «сыновъ отечества». И только сверженіе Наполеона Европой положило конецъ національному возбужденію Франціи. — Такова длина «кривой» подъема малой французской революціи.

Что такое Великая Россійская Революціи 17-го года? — Вулканическій взрывъ грандіозной силы и мірового района дѣйствія. Онъ снесъ всѣ правящіе слои націи, разрушилъ до основанія пирамидальное строеніе русскаго общества и перемѣстил имущественныя отношенія десятковъ милліоновъ людей. Человѣческая исторія, на всемъ своемъ протяженіи, не знала переворота такой глубины и размаха. И еще грандіознѣе районъ его дѣйствія. Онъ захватилъ шестую часть земного шара и быстро распространяется на весь міръ. Россійская революція — начало м і р о в о й . Не видѣть этого значитъ не видѣть опредѣляющаго явленія современности. Случилось это такъ.

Европейская цивилизація до эпохи Возрожденія — цивилизація «материковая». Она замкнута в рамки западно-европейскаго полуострова и за его предѣлы не выходитъ. С эпохой «Ве-

ликих открытій» она разливается по всему міру. Но первые три вѣка ея распространеніе «точечное». «Точки» западной культуры — поселенческія колоніи, торговыя факторіи, военныя укрѣпленія — разсыпались по всѣм частям свѣта, лишь медленно и постепенно расползаясь по вновь открытым материкам и почти не оказывая вліянія на туземные народы. И только в XIX вѣкѣ европейская цивилизація покрывает весь земной шар. Какія идеи несет она с собою в мір? Тѣ же, которыя господствовали и в Европѣ XIX вѣка — идеи Французской революціи. Французская революція, по глубинѣ соціального взрыва и по району дѣйствія, — революція малая и мѣстная. Но, по глубинѣ идейнаго переворота, произведеннаго ею в сознаніи человѣчества, во-истину, Великая и міровая. В сознаніи европейских людей дореволюціонной эпохи, мір устойчив и недвижим. В нем ничего не происходит и не мѣняется. Много вѣков назад, когда исполнились сроки, на землю пришел Спаситель. С тѣх пор исторія завершена. Теперь мір ждет своего конца и послѣдняго Суда. Это средневѣковое европейское міросозерцаніе было поколеблено вѣками Ренессанса и Просвѣщенія. В эту эпоху земля ожила. Про вѣк Возрожденія Гуттен писал: «Души пробуждаются — хочется жить». Нѣтъ, земной мір не неподвижен. Он движется неустанно и все в одном направленіи — вперед. Человѣческій разум покоряет природу и преобразует общественную жизнь людей на новых началах — свободы и справедливости. Цѣль движенія вперед — человѣческое счастье на землѣ. Таково новое европейское міросозерцаніе элиты. И лишь Французская революція сгустила его в религиозную вѣру, и сдѣлала достояніем масс. Впечатлѣніе, произведенное Французской революціей на современников и на европейцев XIX вѣка было громадно. Впервые в міровой исторіи великій народ взял на себя отвѣтственность за свою судьбу и стал перестраивать свою жизнь заново и на чисто разумных основаніях. Пусть эта перестройка непосредственно окончилась неудачей. В сознаніи европейских людей родилась новая вѣра — вѣра в прогресс, в человѣческое счастье на землѣ, в возможность устроенія жизни народов по разумному плану. В началѣ XIX вѣка русская крѣпостная кре-

стьянка сказала про своих господ, воспитанных по европейски: «Да они не нашей, они Вольтеровой вѣры». И, дѣйствительно, это была подлинно религіозная вѣра, со своей мистикой и аскетикой, со своими мучениками и пророками. Эта «Вольтерова вѣра» — вѣра Французской революціи — в нѣсколько десятилѣтій захватила всю Европу и перестроила ее наново: освободила націи, передала власть из рук царей в руки народов и создала грандіозный расцвѣт матеріальной культуры. Перекинувшись в Россію, она зажгла революціонным пламенем орден русской интеллигенціи и разрушила величайшую Имперію міра. Теперь, обойдя весь круг земель, она бушует на Востокѣ. Так европейская цивилизація, покорив мір, передала ему свое послѣднее вѣроученіе. «Вольтерова» вѣра стала міровой. Правда, за полтора вѣка странствованій, она пережила реформацію и густо окрасилась в красные — соціальные цвѣта. Но, по существу своему, это все та же вѣра Французской революціи — вѣра в прогресс и человѣческое счастье на землѣ.

Какое дѣйствіе произвел взрыв Россійской революціи в этом насыщенном Вольтеровой вѣрой мірѣ? Дѣйствіе грандіознаго разряда. Россійская революція не создала новых идей: ея идеи — идеи Европы XIX вѣка, доведенныя до крайности и потому искаженныя. Но она сдѣлала большее, — во всяком случаѣ, то, что больше поражает воображеніе людей: она претворила идеи в жизнь. Пусть это претвореніе кончается неудачей, пусть оно стоит милліонов жертв. Человѣчество этого не замѣчает. Оно видит в Россійской революціи то, к чему неудержимо влекла его собственная вѣра: героическую попытку построенія новой жизни, грандіозный опыт осуществленія счастья на землѣ. Вот почему мір находится в таком волненіи. Вот почему революціонная Россія стала центром мірового революціоннаго землетрясенія.

Особенное впечатлѣніе произвела Россійская революція на Востокѣ, гдѣ живет большая половина человѣчества. Вольтерова вѣра проникла в сознаніе восточных людей не так глубоко, как в сознаніе европейцев. Но зато проникнув, произвела в нем дѣйствіе духовнаго динамита. В дореволюціонном сознаніи Востока мір не только устойчив и неподвижен, как в средневѣковом сознаніи Запада, — он и не цѣнен сам по себѣ и не

заслуживает подлинно-духовного внимания людей. Европейская цивилизация, даже средневековая, обращена к постороннему, временному, земному. Свою энергию она направляет на формирование «явлений». Европейцы — по выражению Кайзерлинга — «Божьи руки»: соучаствуют в творении мира Богом. Восток обращен к потустороннему «сущему», вѣчному — к «явлениям» он глубоко равнодушен. Отсюда пассивность восточных людей в жизни и их небрежение земными дѣлами. Вольтерова вѣра произвела в этом традиционном сознании Востока глубокую перемену. Мир не только ожил и задвигался — он стал цѣнным для людей, если не сам по себѣ, то как путь и орудие достижения цѣнностей вѣчных. Характерен в этом отношении величайший вождь современной Азии — Ганди. Ганди не порвал с традиционным восточным мирозерцанием. Он мистик и аскет, его цѣль — Истина и личное спасение в ней. Но путь к этой вѣчной цѣли — политическая борьба за освобождение Индии. «Чтобы увидѣть в лицо... Истину, — пишет он в своей автобиографии, — надо умѣть любить самую малую сотворенную вещь, как самого себя. Человек, который хочет достигнуть такого состояния, не может держаться внѣ жизни. Вот почему моя преданность Истинѣ привела меня к политикѣ... Тѣ, кто утверждают, что религія и политика не имѣют ничего общаго, не понимают смысла религіи». И еще в письмѣ от 1924 года: «Я только смиренный искатель Истины, нетерпѣливо стремящійся к духовному освобождению еще в этой жизни. Мое национальное дѣло — только часть того опыта, который я предпринял, чтобы освободить мою душу от рабства плоти. У меня нѣтъ никакого влечения к преходящему земному царству. Я борюсь за царство небесное... Потому патриотизм для меня только этап в моем путешествіи к вѣчной землѣ свободы и мира». Так, на путях к Небу, борется Ганди за освобождение своей родины. Satyâgraha и Ahimsâ (не насилие) — не только орудія политической борьбы, они и орудія личного спасения. Отсюда громадная сила революціоннаго дѣйствія Ганди. Отсюда неизмѣримость его вліянія на народныя массы Востока. Рычагом вѣчности он переворачивает земныя глыбы.

В этом перевороченном Востокѣ, впечатлѣніе, произведенное Россійской революціей, было громадно. Ленин был перво-

классным революционным стратегом. Он понял, что пробужденная европейской революционной вѣрой Азія — болѣе подходящее поле для взрыва, чѣм пережившая сто лѣт революцій Европа. Идя к революціи міровой, он начал ее с Востока. «Повернемся к Азіи, — писал он, — мы возьмем Запад через Восток». И, дѣйствительно, эта революционная стратегія дала блестящіе результаты: вся Азія в огнѣ. Противники совѣтской власти с удивленіем говорят об «удачливости» ея міровой политики. «Мір глуп — большевикам везет». Но это не так. Трудно представить себѣ болѣе количество ошибок и преступленій, чѣм то, ктоорое совершили большевики в сношеніи с окружающим міром. Но они идут в линіи міровой исторіи. Отсюда их «удачи». — Три идеи Россійской революціи больше всего поражают воображеніе восточных народов: освобожденіе угнетенных націй Азіи от господства Европы; освобожденіе бѣдных от власти богатых; покореніе природы техникой, от чего жизнь трудящихся станет болѣе легкой и счастливой. В особенности, велико вліяніе первой идеи. По существу своему, азіатскія революціи — національныя. Один из Трех Принципов Народа («Сань-мин») китайской революціи — принцип націи («минцзу»). Послѣднія слова умирающаго Сун-Ят-Сена были: «Любите родину», «Работайте на ея спасеніе». ¹⁾ На допросах индо-китайских революціонеров европейскими властями, они отвѣчают с фанатической вѣрой: «Я хочу спасти мою страну», «Я хочу пролить свою кровь за мою родину». И так же далеки от большевизма двѣ другія идеи, поразившія Восток — соціальной справедливости и покоренія природы техникой. Всѣ онѣ рождены Европой. Но на Восток онѣ идут из Россіи. Центр революціонной Азіи — Москва. — Но не только идеи Россійской революціи, но и люди привлекают сердца восточных народов. Помимо культа ея вождей, самый тип восточнаго революціонера взят из Россіи. Европейских наблюдателей поражает сходство — даже внѣшнее — азіатских революціонеров с русскими. И это неудивительно. Громадное большинство восточных революціонеров интеллигенты — учащая молодежь. Гоминдан, управляющій революціонным Ки-

¹⁾ Л. В. Арнольдov. Китай, как он есть. Шанхай, 1933.

таем, — «Орден китайской интеллигенціи». Многие из этих интеллигентов побывали в Россіи и прошли ея революціонныя школы. Всѣ историческіе типы, даже революціонеров, строящих новую жизнь, создаются по каким-нибудь старым, уже готовым образцам. Восточные революціонеры берут свои образцы там, гдѣ свѣтит «солнце міровой революціи». Так орден русской интеллигенціи, одержав побѣду над великой Имперіей, через своих «блудных сынов» распространяет свое вліяніе на весь азіатскій материк.

Еще удивительнѣе вліяніе, которое оказала Россійская революція на Европу. Всего два десятилѣтія назад, Западная Европа казалась спокойной и в устойчивом равновѣсіи. Вольтерова вѣра, распространившаяся к этому времени на весь мір, еще продолжала завоевывать нетронутые низы европейскаго общества. Но на верхах ея обаяніе падало. Ничто не предвѣщало переменъ и революціонных бурь. Даже крайнія партіи откладывали социальный переворот на дальніе сроки. Теперь вся Европа, так же как Азія, — в огнѣ. И даже старую, утомленную Францію бьет революціонная лихорадка. Почему? Міровая война, несомнѣнно, нанесла удар душевному спокойствію европейцев. Порядок, допустившій такую бойню, перестал внушать довѣріе. Еще больше поколебал довѣріе міровой хозяйственный кризис. Тысячелѣтія человечество жило с сознаніем, что оно несет на себѣ Божіе проклятіе: в потѣ лица своего должно оно ѣсть хлѣб свой. Потому так покорно несло оно и свою судьбу. Недостатки общественнаго строя могли увеличивать тяжесть жизни, но не они были ея причиной. Міровой кризис принес с собою благую вѣсть: Божье проклятіе с человечества снято. Человѣчество не должно в потѣ лица своего ѣсть хлѣб свой — хлѣба столько, что его жгут, топят и не знают, что с ним дѣлать. Отчего же тяжесть жизни не исчезла, а стала еще непереноснѣе? Народному довѣрію к европейскому строю міровой кризис нанес смертельный удар. Все это так. И тѣм не менѣе ни война, ни кризис европейской революціонной бури объяснить не могут. Общественный строй Европы так крѣпок и добротен, что еще долгіе годы мог бы существовать и при поколебленном довѣріи ея народов. Нельзя объяснить европейскую революціонную бурю и рожденіем новой вѣры. Двѣ

идеи захватили современное сознание европейцев: идея организованного хозяйства, где каждый будет иметь труд и пропитание; и идея сильной власти, которая будет руководить этим хозяйством и сохранять порядок в обществе. Однако, обе эти идеи сами по себе революционного возбуждения вызвать не могут. Другия идеи — расы, нации, государства — явно случайны и преходящи. Но там, где нет революции идей, там не может быть и внутреннего революционного взрыва. Причины европейской революционной бури надо искать в ином. 150 лет Европа жила Вольтеровой верой — в прогресс, движение вперед, неустанное обновление жизни. Все, что ново — хорошо; что старо плохо. Все, что движется, имеет право на опытное поле; все, что стоит на месте, должно уйти. Пока остальной мир был недвижим, Европа ограничивалась местными революциями и неустанным реформированием жизни — за сто лет она переменяла в своем быту столько, сколько раньше не меняла в тысячелетия. Но вот раздался взрыв Российской революции. Ему откликнулась Азия. Громадное волнение охватило мир. Волны психической энергии расходятся так же незаметно, как волны энергии физической. Зато они поражают еще с большей силой и неотвратимостью. Наклоненная вперед Европа была увлечена мировым вихрем с необычайной быстротой и легкостью. Не недостатки прошлого и не идеалы будущего увлекли ее. Ее увлекли сила вихря и отсутствие сопротивляемости.

Чего хочет современная Европа? Революции — разрушения старого, построения нового. Новый строй, новый порядок, новое «третье» царство — в этом ее пафос. В чем будет это новое, она еще хорошо не знает. Муссолини поднял фашистское движение, произвел революционный переворот, захватил власть и потом стал думать, что строить. Да это Европе и мало волнует. Важно другое: действие, движение, энергия, энтузиазм, вера. Современная Европа в руках своей молодежи, переживающей громадное напряжение и героический подъем. В одних странах она уже у власти, в других идет к ней неотвратимыми шагами. И замечательно: революционный вихрь захватил не только крайние левые партии: коммунистов, социалистов, радикалов. С еще большей силой увлек он течение «правых»: фашистов, национал-социалистов, неомонархистов. Слепы те,

кто думают, что это теченія «реакціонныя». Разумѣется, это «обратное дѣйствіе» на дѣйствіе коммунизма. Но что они ставят в вину коммунизму? Отнюдь не его революціонность. Революція для них так же свята, как и для коммунистов. «Во имя Бога и Италіи, клянусь... служить всѣми моими силами и, если это надо, моей кровью, дѣлу Фашистской Революціи» — пишут на своем знамени юные фашисты. Коммунистам ставится в вину другое: они дѣлают революцію не так, как надо. Революція должна быть не интернаціоналистической, а національной, не атеистической, а «христіанской», не коллективистической, а корпоративной — вот в чем вина коммунизма. И так же мало «реакціонны» характерныя для этих теченій — как и для современных лѣвых — черты угашенія личности и свободы. Конечно, в этом угашеніи есть «реакція» против выродившагося индивидуализма XIX вѣка и против безплодности «буржуазной свободы». Но многое в этом явленіи объясняется иным: психологіей похода, гражданской войны, паѳосом строительства, участія в «общем дѣлѣ». В одном из правительственных учрежденій новой Германіи висит надпись: «Не приходят с личными дѣлами туда, гдѣ строится новое государство». Идеолог ея молодежи (Венн) пишет: «Там, гдѣ говорит Исторія, личность должна молчать». Гораздо характернѣе для этих теченій, так же, как для всей современной молодежи, другое: новое ощущеніе міра. Мір стал пластичен и податлив. Его можно мять, как глину. И лѣпить из него, по заданію, новый образ. Если можно повернуть теченіе Гольфстрема и перелить Средиземное море в Сахару, почему нельзя влить в новыя формы и все человѣчество?

Таково вліяніе Россійской революціи на Восток и на Запад, и на весь мір. Россійская революція вызвала міровую. Можно не соглашаться с таким пониманіем современных событій. Можно давать другое объясненіе. Что не Россійская революція — причина міровой. Что весь мір был готов к революціонному взрыву. Что «старый порядок» отжил свой вѣк и должен был уйти. Что Россійская революція — только первый удар начинавшагося мірового землетрясенія. Возможно и такое объясненіе. Но, во всяком случаѣ, безспорно одно: Россійская революція — начало міровой. Или еще точнѣе: то, что сейчас проис-

ходит, и есть мировая революція. Если мы ощущаем лишь отдѣльные ея удары, то это только потому, что наши воспріятія — и даже воображеніе! — очень ограничены. Мы не слышим мирового гула и с трудом вмѣщаем в наше сознание мировое цѣлое. Но в смыслѣ происходящаго сомнѣваться нельзя. — Мировая революція — что вполне вѣроятно — не всюду будет протекать одинаково. В однѣх странах она будет сопровождаться потоками крови, как в Россіи и Китаѣ. В других будет происходить с жестокостью, но культурно полированной, как в Германіи и Италіи. Будут даже страны, гдѣ она, может быть, совершится совсѣм мирно, как в Соединенных Штатах Америки и Индіи. Так же вѣроятно, что не всюду будут одинаковы и ея послѣдствія. Что в однѣх странах старый строй будет снесен до основанія; что в других новое общественное зданіе будет возводиться на старом фундаментѣ. И еще болѣе вѣроятно, что это новое зданіе будет в разных странах не одного стиля, хотя одной и той же «эпохи». Но, во всяком случаѣ, одно несомнѣнно: несмотря на свое многообразіе, по существу своему, революціонный процесс повсюду будет обозначать одно и то же — громадный подъем народной энергіи и переворот в строеніи общества невиданной в человѣческой исторіи глубины и силы. — Спрашивается, сколько времени будет длиться это мировое землетрясеніе? Как велика длина «кривой» подъема мировой революціи? Если малая Французская революція, ограниченная одной провинціей Европы, продолжалась четверть вѣка, сколько будет продолжаться революція Россійская, распространившаяся на весь мір? Не будем себя обманывать: это процесс вѣковой. Во всяком случаѣ, на наш — XX — вѣк его хватит. Возможно, что Россія, первая начавшая революцію, первая ее и кончит. Возможно, что, в силу исторической «ритмики» или в силу исторической «случайности», за революціей в Россіи послѣдует «реакція». Но это будет нескоро — через много десятилѣтій. Наша эпоха — революціонная. Россія не может выйти одна из «поля» мировой революціонной энергіи. Россійскую революцію будет вести современная совѣтская власть. Или эта власть будет сметена новой «національной революціей». Но и в том и в другом случаѣ Россія еще долгіе годы будет находиться на линіи подъема и

народнаго напряженія. Хотим мы этого или не хотим, но для нашего поколѣнія отдыха не дано. Покоя не будет.

Отсюда отвѣтъ — поневолѣ краткій — на вопрос, раздѣляющій нас с П. Михайловым: о хозяйственном строѣ будущей Россіи. Будет ли хозяйственный строй послѣбольшевицкой Россіи походить на «пятидесятилѣтку» Новаго Града, которую проектирую я, или на форму «первоначальнаго накопленія», которую предвидит П. Михайлов? Почему П. Михайлов думает, что хозяйственное возрожденіе послѣбольшевицкой Россіи будет проходить «анархично, вразброд, ощупью», что в хозяйственной жизни, по всей линіи, будут торжествовать «индивидуализм и либерализм», что идеологами пореволюціоннаго русскаго «новаго человѣка» будут Адам Смит и Іеремія Бентам? Потому, что в Россіи послѣ революціи наступит «реакція» и потому что так было в эпоху «реставраціи» в Западной Европѣ? Допустим, что П. Михайлов прав — что в Россіи реакція будет. Но вот что при этом надо принять во вниманіе: в эпоху «реставраціи» в Западной Европѣ «реакція» совсѣм не распространилась на хозяйственную жизнь — в хозяйственной жизни не было ни «депрессіи», ни возвращенія назад на пройденныя ступени. Наоборот, эпоха реставраціи — эпоха «промышленной революціи» Франціи. Именно в эту эпоху промышленный переворот, начавшійся в Англіи нѣсколько раньше, распространился на Францію и вызвал в ней эру хозяйственнаго расцвѣта. Характерно, что идеолог «пореволюціонных теченій» Франціи Сен-Симон был в то же время и идеологом «индустріализма». Его лозунг: «все через промышленность, все для нея». Из его школы вышли Фердинанд Лесепс, братья Перер и другіе выдающіеся промышленные дѣльцы и предприниматели. И это исторически понятно. Французская революція разбудила народную энергію и сняла препятствія с пути хозяйственнаго развитія. В період гражданских бурь и наполеоновских войн, эта энергія уходила в политическую борьбу и походы. Когда реставрація установила «порядок», народная энергія направилась в область, оставшуюся для нея открытой и, по существу, наиболѣе ей свойственную — хозяйственную жизнь — и создала хозяйственный подъем. Так было и в Россіи, в эпоху Столыпинской реакціи, послѣ революціи 1905 г.

Так, по всей вѣроятности, будет и в Россіи послѣбольшевицкой. Иначе говоря: эпоха «реакціи» — не есть эпоха психической «депрессіи» народа, а «переключенія» пробудившейся народной энергіи из одной области — политической — в другую — хозяйственную. Если, при этом, в эпоху реставраціи во Франціи, хозяйственное возрожденіе проходило «анархично, вразброд, ощупью», и в хозяйственной жизни торжествовали принципы «индивидуализма и либерализма», то не в силу реакціи против государственнаго вмѣшательства и коллективизма Революціи, а, наоборот, потому, что эти формы и принципы хозяйствованія и выражали новую вѣру, рожденную Революціей — вѣру в свободу, личность, индивидуальную инициативу. Люди эпохи реставраціи — по крайней мѣрѣ, хозяйствующие, — так же, как и люди Революціи, вѣрили в «естественный порядок» хозяйственной жизни, в гармонію интересов, в благодѣтельность для человѣчества свободной игры экономических сил. Всякое вмѣшательство коллектива в эту игру казалось им смертельным. Государство должно оставить хозяйственную жизнь в покоѣ или, точнѣе, внѣшне охранять ее покой так, как охраняет ночной сторож покой дома. В хозяйственный дом оно входит не должно. «У міра свои пути — предоставьте людям свободно хозяйствовать. — *Le monde va de lui-même; laissez nous faire, laissez passer*». Такова хозяйственная вѣра людей эпохи. Пророки этой вѣры — Адам Смит и Иеремія Бентам — были для своего времени совсѣм не реакціонерами, а революціонерами. Адам Смит мечтал о благѣ человѣчества и о «богатствѣ народов». Иеремія Бентам ставил цѣлью управленія и хозяйствованія «наибольшее счастье наибольшаго количества людей». Неправильно поэтому думать, что хозяйственный подъем той эпохи создал homo oeconomicus, стремившійся исключительно к личной выгодѣ. Homo oeconomicus был, вмѣстѣ с тѣм, и просто человѣком своего времени, охваченными, как и всѣ, Вольтеровой вѣрой в «общее благо» и человѣческое счастье. Без вѣры народа в его правду вообще никакой строй — ни политическій, ни хозяйственный — длительно невозможен. Разумѣется, не менѣе важно было и то, что эту вѣру оправдывала жизнь. Хозяйственная свобода и индивидуальная инициатива, дѣйствительно, творили чудеса. Правда, это происходило

не потому, что «у міра свои пути», ведущіе к всеобщей гармоніи, а потому, что Европа завоевывала мір и, вмѣстѣ со своей цивилизаціей и Вольтеровой вѣрой, распространяла по всему міру свои товары. Гармонія европейских интересов достигалась жертвой интересами цѣлых материков. Но люди той эпохи этого не замѣчали.

Спрашивается: возможно ли, чтобы «новый человек», рожденный Россійской революціей, — даже в том случаѣ, если за ней наступит реакція — загорѣлся той хозяйственной вѣрой, которой горѣли его прадеды больше вѣка тому назад? И что не менѣе важно: возможно ли, чтобы тѣ хозяйственныя формы, которыя создали экономическій расцвѣт Франціи в эпоху реставраціи, оказались годными для экономического возрожденія Россіи в настоящем состояніи міра и дали выход разбуженной Революціей энергіи русскаго народа? Надо всмотрѣться в лицо современнаго «новаго человека» — все равно, русскаго, нѣмца, итальянца, американца и даже француза — и в лицо міра, чтобы с увѣренностью отвѣтить, что это невозможно. Современный человек не вѣрит в «естественный порядок» ни природы, ни хозяйственной жизни. Наоборот, он видит в них «безпорядок», который надо исправить. Он зло смѣется над «гармоніей интересов». И он скептически относится к «свободной игрѣ экономических сил» и «частной инициативѣ». И что самое важное: он ненавидит тот строй, который породили эти формы хозяйствованія. Капитализм и его носители — вот зло, которое надо раздавить. В этом чувствѣ объединены «новые люди» всѣх направленій — от коммунистов и до монархистов. Вѣрит новый человек в другое: в ведущую волю, план, организацію, коллективную энергію, «общее дѣло». Он хочет создать хозяйственный строй, гдѣ «порядок» и «гармонія» будут достигаться не борьбою всѣх против всѣх и не свободой «дѣлать, что хочешь», а самодержавным управленіем вождя или самоуправленіем хозяйствующих коллективов, гдѣ каждый найдет себѣ труд и мѣсто по достоинству, и гдѣ всѣ вмѣстѣ будут заново перестраивать земной шар, а может быть, и другія планеты. Такова хозяйственная вѣра новаго человека, за которую он готов отдавать свои силы, а, если надо, и жизнь. Этой вѣрой объясняется многое, что кажется диким и непонятным в

«генеральной линіи» большевиков. Этой вѣрой охвачен сейчас американскій народ, ненавидящій диктатуру и, вмѣстѣ с тѣм, слѣпо идущій за своим свободно избранным вождем. «We do our Part» — говорят американцы, принося жертвы на алтарь своей новой вѣры: «New deal». Этой вѣрой пользуются и диктаторы, управляя народами, как арміями в походѣ.

П. Михайлову кажется, что русскій народ уже переболѣл этой болѣзною, что, пройдя большевицкую муку, он воспитал в себѣ «недовѣріе ко всяким планам, к коллективным начинаніям, ко всему, что предполагает подчиненіе общественному руководительству». Он ссылается на человѣческій документ: «Хожденіе по Вузам» Москвина. Он ошибается: у Москвина напечатано письмо комсомольца, которое точно характеризует настроенія новаго русскаго человѣка. «Дорогой папа... — пишет комсомолец отцу. — Ты все так же недоволен жизнью, ворчишь о невозвратном, критикуешь настоящее, стремишься в прошлое. Пойми ты — конец всему. Есть проекты, значит, есть жизнь. Плоха она, знаю, но что подѣлаешь? Это неизбежно в новом дѣлѣ, в новом начинаніи... Ты говоришь, нужно бѣжать от сегодняшней дѣйствительности. Но куда? Зачѣм? Предположим, нѣтъ всего этого, нѣтъ сегодняшняго дня, но что такое будет завтра? Капитализм? Реставрація? Нѣтъ, папа, этого нам не надо... Мы органически связаны с идеей будущаго социализма и слѣпо и безропотно служим ей»... Даже тогда, когда новый человѣкъ недоволен настоящим и властью и переходит в «оппозицію», он твердо помнит: «мы остаемся на коммунистических позиціях». Старая хозяйственная вѣра умерла «крѣпко». Родилась новая вѣра. Надолго ли? Во всяком случаѣ, на многія десятилѣтія, а, вѣрнѣе, на вѣка. — И так же невозможно, чтобы экономическое возрожденіе Россіи проходило в старых хозяйственных формах. От того ли, что умерла старая вѣра, одушевлявшая капиталистическій строй; от того ли, что перемѣнилось «строеніе капитала»; от того ли, что цвѣтныя матеріки возстали против Европы и закрыли пути ея свободнаго хозяйствованія; или, что болѣе вѣроятно, от всѣх этих причин вмѣстѣ, — но несомнѣнно одно: старый хозяйственный строй больше не «стоит». Относительно этого могли еще быть сомнѣнія полутора года назад, когда мы с П. Михайловым писали

наши статьи. Теперь в этом сомневаться нельзя. Капиталистический строй за эти полтора года катастрофически быстро разрушался. И так же лихорадочно быстро создавался новый хозяйственный порядок. Вот уже год, как в Америке производится грандиозный опыт Рузвельта. Почти половина мирового производства, сосредоточенная в Соединенных Штатах (40%), перестраивается на новых началах — плана, управления, «кооперации». Американский народ ведет «величайшую битву своей истории». Почему? Потому что старый хозяйственный строй грозил разрушиться до основания. Нельзя было терять ни минуты. Рузвельт может делать тысячи ошибок — американский народ все ему прощает за его мужество и решимость. Ибо он твердо знает, что на старых путях спасения нет. И то же происходит в других странах: Италии, Германии и даже, хотя и больше робко, в Англии и Франции.¹⁾ В этом логика новых хозяйственных отношений — логика не только людей, но и «вещей», а потому и логика истории. У хозяйственной жизни, действительно, есть свои «законы», хотя они и оказались не теми, какими их предполагали экономисты старой школы. Или, вернее, — у каждой эпохи — свои экономические законы. Не уйдет от этих законов и послеполитическая Россия. Разумеется, это не значит, что сохранится нетронутым большевистский крепостной строй. Жизнь уже выработала целый ряд форм нового «планового» хозяйства: от крепостных коммунистических, через корпоративно фашистские, до форм «хозяйственного самоуправления» американской демократии. Опыт укажет еще другие формы. В этом и коренится наша надежда на раскрепощение русского народного хозяйства после падения большевистской власти — наша «50-летка». Но какие бы при этом перемены в хозяйственном строе ни были произведены, все равно, будущее послеполитическое русское хозяйство будет хозяйством новым — «плановое», «управляемое» и, в значительной мере, «коллективизированное», а не старое, дореволюционное. Такое хозяйство вынуждена будет вести в России

1) В 4 странах, перестраивающих свое хозяйство на новых началах — Соединенных Штатах, Германии, Италии и России — сосредоточены 64% мирового промышленного производства.

любая власть, пришедшая на смѣну большевицкой, как бы далеко ни пошла она назад в политической области. Как вынуждены вести его власти всего міра — реакціонныя и революціонныя. — Так будет в том случаѣ, если в Россіи наступит реакція.

Но мы уже условились выше, что реакціи в Россіи еще долгіе годы не будет. Что еще долгіе годы в Россіи, как во всем мірѣ, будет продолжаться революціонный «подъем». Что еще долгіе годы Россія, как и весь мір, будут итти по линіи народнаго напряженія и коренной перестройки. Что Россіей, как и всѣм міром, будут управлять новые люди и в особенности молодежь. Что, вообще, наша эпоха героическая. Новые люди любят движеніе и борьбу. Они ненавидят тишину и бездѣйствіе. «Je suis un marcheur», — говорит Муссолини: «Мы против удобной жизни». То же могли бы сказать и всѣ новые люди. Современная бурная эпоха, которая так ужасает людей старой культуры, кажется им самой прекрасной в человѣческой исторіи. Если они бывают недовольны настоящим, то всегда во имя будущаго, а не во имя прошлаго. Если и вспоминают о прошлом, то о прошлом героическом и революціонном. И, когда они попадают в тихую заводь старой Европы, они умирают от тоски. Итти к такому поколѣнію с проповѣдью программы, рассчитанной на «покой и санаторное лѣченіе», значит совершать политическое самоубійство. Новые люди даже не будут спорить с нею — они ея просто не услышат. Потому, как это ни трудно людям старшаго поколѣнія, пережившим революцію и утомленным ею, они должны сдѣлать другое. Если они хотят сберечь вѣчныя цѣнности, заключенныя в старой культурѣ, и передать их культурѣ новой, если они хотят дѣйствительно, а не «созерцательно», бороться против «зла» за «добро», они должны пристально взглядѣться в лицо современнаго человѣка, в лицо эпохи, и найти в себѣ мужество и силы итти с ними в ногу. Ибо надо твердо помнить, что и за вѣчныя цѣнности можно бороться только в линіи, темпѣ и воздухѣ эпохи. — Отсюда проекты чертежа Новаго Града. Я сказал бы П. Михайлову, внѣшне парадоксально, но, по существу, точно: планы Новаго Града в видѣ Чикаго или Нью-Йорка, для нашей эпохи болѣе реальны, чѣм планы «захолустнаго скита». Чикаго или Нью-Йорк новые люди еще, может быть,

и построят, хотя, навѣрно, сильно изуродуют их. Но захолустный скит обязательно откроют и разорят.

Я слышу отвѣтъ П. Михайлова: в таком случаѣ, Новому Граду, в нашу эпоху, дѣлать нечего. Какія бы цѣнности мы ни клали в его основу, он может быть построен только «на мѣрѣ». В эпоху безмѣрности и мірового безумія, в состязаніи на скорость между добром и злом, побѣдит зло. Или, как сказано в передовой статьѣ № 7 «Новаго Града»: «Злу побѣждать жизнь много легче, чѣм добру: добро закипает только при 100 градусах Цельсія; зло уже при 50». На это я возражаю с полной увѣренностью: это не так. И в нашу эпоху Новому Граду есть что дѣлать. Да наша эпоха, и вообще, не такая плохая. Разумѣется, для нас Ганди — не абсолютное добро. Но все-таки добро, особенно в сравненіи с кровавым хаосом китайской революціи. И, однако, Ганди ведет за собой 300-милліонный индусскій народ. Разумѣется, не абсолютное добро для нас и Рузвельт. Но он кажется нам гением свободы в сравненіи с тиранией Сталина. И, однако, Рузвельт ведет за собой 120-милліонный американскій народ. В чем сила и Ганди, и Рузвельта? В доброй вѣрѣ, которая горит в них. Значит, и в нашу эпоху добро может бороться со злом и побѣждать его. Да иначе и быть не могло бы: это противорѣчило бы нашей собственной вѣрѣ. Что же касается вышеприведеннаго положенія о температурах кипѣнія добра и зла, то оно противорѣчит и законам духа и законам физики: добро закипает раньше зла так же, как чистая вода закипает раньше всякой смѣси. Только надо, чтобы под добром горѣл огонь.

И. Бунаков:

Проблема свободы в наше время

Тремя основными законами регулируется ход исторического развития:

Закон ритмики — действий и противодействий, тезисов и антитезисов, подъемов и падений, утверждений и отрицаний.

Закон несовпадения кривых, вычерчиваемых движением в каждой отдельной сфере деятельности, обусловленный относительной независимостью этих сфер.

Закон инерции, привязанности к привычному, но иногда и потребности что-то до конца уяснить, договорить, довершить, — хотя бы жизни до этого «чего-то» уже и не было дела.

Соединенным действием этих трех законов определяется облик и строение каждого исторического момента.

В силу все возрастающей, вследствие обогащения исторической памяти, сложности субъекта истории, здесь возможны все большие и большие разнообразия комбинаций, так что, чем дальше движется во времени человечество, тем большим должно быть своеобразие каждого момента, и тем труднее подвести его под какую-либо общую категорию.

За всю многовековую историю известной нам части человечества был один момент — только что изжитый нами, одно столетие — 1814 — 1914, — когда люди были вполне свободны, когда принцип свободы был положен в основу права, морали, политики, духовного творчества, и когда этот принцип все больше охранялся и укоренялся. Это было делом буржуазии. Всюду и всегда, где только из массы мещанства, городских обывателей, формировалась буржуазия, она заявляла о своем возникновении тем, что требовала свободы. Покуда буржуазия действовала в рамках города, ей легко было добиваться свободы и пользоваться ею для себя. Но в новое время, время национального хозяйства и национальной политики, буржуазия не могла добиться свободы иначе, как требуя ее для всех и обеспечивая ее за всеми.

Как раз тогда, когда буржуазія извлекла всѣ выводы из идеологии, которую она сдѣлала своею, когда она создала хозяйство, гдѣ «предустановленная гармонія» осуществляется путем состязанія интересов, государство, гдѣ «общая воля» осуществляется путем состязанія мнѣній, когда в этих сферах сказывается закон инерціи, в смыслѣ окончательнаго торжества традиціи «вѣка Разума», восходящей своими корнями к Декарту и Локку, к Ад. Смиту и Бентаму, — закон ритмики обнаруживает себя в том, что одновременно достигает своей наивысшей точки волна романтизма. Идея свободы — центральная идея романтизма, точно так же как и рационализма — и с этой точки зрѣнія можно говорить о совпаденіи обѣих тенденцій и о их сотрудничествѣ. Но романтическая свобода все же совсѣм не то, что свобода, как ее понимала буржуазія, как ее понимал рационализм. Рационализм положителен, «реалистичен» и в сущности довольствуется малым. Свобода для него — это право дѣлать или говорить все что угодно в рамках закона. Он и начинает с малаго, с непосредственно даннаго, с индивидуальной личности, с «части». Цѣлое для него не что иное как результат компромисса, т.-е. нѣчто само по себѣ, пожалуй, и не имѣющее цѣны. Романтизм максималистичен. Он не желает никаких компромиссов. Он хочет общества, гдѣ не может быть и рѣчи о каких бы то ни было уступках со стороны «части» в пользу «цѣлаго», или со стороны «цѣлаго» в пользу «части» — ибо в идеальном обществѣ противоположность цѣлаго и части «снята»; или, раз подобнаго общества нѣтъ налицо, он вообще ничего не желает знать о «цѣлом», об обществѣ. Романтическій человек сперва *promeneur solitaire*, бездѣльник, мечтатель «на лонѣ природы», позже — «гѣній», преображающій дѣйствительность в планѣ «фантазіи», или примиряющійся с нею в планѣ «ироніи». Это его дѣтство и отрочество. К серединѣ вѣка он достигает возмужалости, он умнѣет и обрѣтает себя. Он уже перерос инфантильную грезу о «золотом вѣкѣ за нами» и уже вылез из пессимизма, от своей «міровой скорби», которой он самоуслаждался в юности. Поумнѣвши и почувствовав свою силу, он начинает понимать и цѣнить врага и, вмѣсто того чтобы отворачиваться от него, вступает с ним в открытую борьбу, пуская в ход у него же взя-

тое оружје. «Геній» становится титаном, кабинетный бунтарь, салонный демон — революціонером. Сочетая «буржуазную» раціоналістическую теорію прогресса, «успѣхов разума», с романтической теоріей отпаденія от первоначальной невинности, новый романтизм создает теорію прогрессирующаго, в результатѣ «успѣхов разума», Зла, прогрессирующаго, в результатѣ прогресса Свободы, порабощенія экономически слабых экономически сильными — и видя в этом историческую необходимость, приходит к идеѣ, внутренне родственной идеѣ, заложенной в основѣ всякой религіи, — идеѣ освобожденія — не от Разума, не от созданных им прогрессивных форм жизни, но от самой этой необходимости. Механистическій научнической, «позитивистическій», «реалистическій» характер новой религіи сказался в том, что предметом культа, освободителем, титаном мыслился не единичный пророк, мессія, богочеловѣк, но — так как, в условіях этого мышленія, освобожденіе от необходимости представлялось долженствующим наступить «с необходимостью», — коллектив, класс, пролетаріат; также в том что самый момент освобожденія от насилія мыслился не иначе как в видѣ переворота, состоящаго в примѣненіи насилія против насильников.

В этом — вторая специфическая черта минувшаго вѣка. Никогда раньше в такой степени и в таком смыслѣ не культивировались революціонизм, дух отрицанія, протеста, возмущенія. Неспособность удовлетвориться чѣм бы то ни было, на чем бы то ни было остановиться — общечеловѣческое свойство, то что отличает человѣка от животнаго, приспособленнаго к средѣ в качествѣ порожденія, — и от Бога, творящаго все из ничего. Истинный человѣк всегда в какой-то мѣрѣ *in a d a r t é*, протестант, нон-конформист. Однако нон-конформизм прежних времен был нѣчто совершенно иное, нежели нон-конформизм XIX вѣка. Средневѣковый идеальный человѣк, святой, тоже был убѣжден в коренной ложности, неправедности, грѣховности міра сего. Но он старался внести в него начала правды, добра и любви, освятить и облагородить сложившіяся отношенія, примираясь с тѣм, что абсолютное совершенство в планѣ земного бытія недостижимо и возлагая свои упованія на осуществленіе абсолютнаго добра в мірѣ потустороннем. Человѣк Ренесанса

уходил от несовершеннаго міра эмпириі в мір искусства, гдѣ он из матеріала, даннаго ему в послѣднем, творил, земной бог, свой собственный мір. Человѣкъ классическаго вѣка усматривал несовершенство эмпирическаго бытія главным образом в своем собственном несовершенствѣ, в несовпаденіи своих личных влеченій и интересов с велѣніями государства и церкви. Его идеальность, его героизм, состоит в готовности борьбы с самим собою, что дает ему право требовать такой же жертвенности от других. «Философ» XVIII вѣка совмѣщал релятивизм с максимализмом и оптимизм с пессимизмом: каждый народ имѣет то правительство, котораго он заслуживает, сумма зла убывает, и сумма добра возрастает в зависимости от успѣхов просвѣщенія; люди еще долго будут дурны, потому что трудно им сразу поумнѣть, а потому — *cultivons notre jardin*.

Не таков идеальный человѣкъ середины XIX вѣка. Это — *Ueberschensch*, титан, богоборец. Его назначеніе — обновить мір, болѣе того — создать новый мір, снесши до основанія старый. Но здѣсь возможны два пути: путь преображенія человѣка, путь Ницше и Вагнера, и путь преображенія «среды», общественной ткани, путь Маркса. Титаническое умонастроеніе исключало компромисс, исключало самую мысль о возможности третьяго, средняго пути. Первый отводил в тупики солипсизма, эстетствующаго демонизма и сатанизма, в удушливую атмосферу *paradis artificiels*, в силу чего — и это третья специфическая черта прошлаго вѣка, до сих пор еще не вполне изжитая, — «Культура» парадоксальным образом нацѣло отдѣлилась от «общественности», «Культура» и «общественность» образовали два отдѣльных плана бытія.

Отличіе второго пути от перваго в том, что опасности, подстерегавшія на нем, были не столь замѣтны, обнаружались много позже и готовили вступившим на него не столько трагическій, сколько комическій исход. Титанической человѣкъ второй разновидности, утвердившій свой титанизм на «научной» основѣ имманентист и детерминист, подобно средневѣковому человѣку, был убѣжден, что мір лежит во злѣ и вмѣстѣ с тѣм вѣрил в грядущій новый эон; но, в отличіе от среневѣковаго человѣка, он считал, что новый эон наступит не чудом насилія благодати, но «естественным образом», внутренне-законо-

мѣрным путем упраздненія насилія насиліем над насильниками. Подобно средневѣковому человѣку, и он возлагал свои упованія на Новый Израиль, на носителя залогов грядущаго интегральнаго обновленія. Но, в согласіи со своим «научным» мышленіем, он представлял себѣ этот Новый Израиль совершенно иначе: это не святые божьи, образующіе невидимую, мистическую церковь, объединенные в духѣ и в истинѣ; это — определенный общественный класс, функція производственных отношеній, вмѣстѣ с ними прогрессирующій, т.-е. все болѣе и болѣе накапливающій в своих нѣдрах взрывчатые массы классовой сознательности, т.-е. классовой зависти и классовой ненависти. Единичный человѣк, уже достаточно созрѣвшій умственно для вхожденія в царство новаго эона, не облѣе как экспонент этого процесса роста коллективнаго титана. Этим определяется и отводимая ему роль. Она заключается единственно в его *martyrium* в первоначальном значеніи этого слова, в его свидѣльствованіи об Истинѣ в исповѣданіи Истины — не дѣлами, ибо до наступленія сроков «дѣла» невозможны, а установкою, позиціею, позою; кончилось тѣм, что цѣнность человѣческой личности стала измѣряться автоматически исключительно градусом ея «лѣвизны», и что пролетарское происхождение стало расцѣпываться так, как в эпоху стараго порядка «*quatre quartiers de noblesse*».

Фактически, поскольку общественное мнѣніе является творящей, если не право, то обычай, конституціонныя соглашенія силой, класс, на который имманентными судьбами исторіи было возложено созданіе новаго, безклассоваго, общества, все болѣе тяготѣл к тому, чтобы обратиться в привилегированное сословіе — и эта тенденція усиливалась по мѣрѣ того, как этот класс все болѣе охлаждѣвал к тому, что считалось его миссіей, ибо и надобность в выполненіи ея все уменьшалась. Классовая идеологія перерождалась в официальную доктрину активных слоев общественно-государственнаго тѣла, в навязываемое общественным мнѣніем исповѣданіе, и вмѣстѣ с этим классовое сознание перерождалось в сословное самомнѣніе. Миѳ, возвеличивавшій состояніе приниженности, слабости, безпомощности, угнетенія, нищеты, утратив свое значеніе миѳа как воплощенной в образѣ идеи-силы, бережно поддерживался как обоснова-

ніе все возраставших притязаній и санкція все новых и новых приобрѣтеній. В условіях хозяйственной устойчивости, какой достиг мір накануне войны, когда подавляющее большинство людей всѣх общественных слоев объединялось в категоріи «satisfaits», такое состояніе сознанія, при всей своей внутренней противорѣчивости, было удобным, привычным и имѣло всѣ шансы на то, чтобы длиться неопредѣленное время.

Послѣ войны положеніе измѣнилось. Наряду с так сказать официально существующим, привилегированным пролетаріатом, образовался новый — из множества деклассированных отбросов всѣх подвергнувшихся потрясеніям, вызванным войною и послѣвоенной конъюнктурой, общественных слоев; да и сам «официальный» пролетаріат пролетаризовался, и был поставлен перед опасностью возвращенія к состоянію времен Коммунистическаго Манифеста.

В этих — небывалых — условіях всеобщей и прогрессирующей пролетаризации мие классовой борьбы, уже давно омертвѣвшій, не годился даже в качествѣ декорации или вывѣски. Его и убрали. Но без миеа люди жить не могут. Комбинированное дѣйствіе законов инерціи и ритмики сказалось и на этот раз. Привычка держаться в позѣ обиженнаго, угнетеннаго, таящаго ненависть и готовность к мести, подкрѣпленная внезапно свалившимися на голову реальными обидами, униженіями, лишеніями, способствовала тому, что поза оказалась выраженіем подлиннаго состоянія сознанія. Никогда, кажется, чувства ненависти, озлобленія, отчаянія не были в такой мѣрѣ и столь безраздѣльно двигателями челювѣческой дѣятельности. Своеобразіе нашего времени в том еще, что эти чувства были обусловлены возбудителем такого рода, что он не мог стать их объектом: нельзя же в самом дѣлѣ ненавидѣть «конъюнктуру». Но нельзя также и «ненавидѣть вообще», ненавидѣть безпредметно. Поскольку в ненависти объединяются в сѣ общественныя категоріи, она могла стать источником новаго націонализма, искать своего объекта внѣ границ націи. Отчасти это имѣет мѣсто. Но только отчасти. Во-первых, новые вожди благоразумно слѣдуют здѣсь тактикѣ своих предшественников — вождей пролетаріата, обѣщавших повести его на послѣдній рѣшительный бой, но только не сегодня и не завтра. Во-вторых, не

забудем, что важным и по численности и по выучкѣ в области политической техники элементом новаго пролетаріата является прежній пролетаріат, у котораго свой собственный объект ненависти был сразу на лицо: людям свойственно ненавидѣть всего сильнѣе то, что было раньше предметом их культа. Объект ненависти найден. Это «марксизм».

Конечно, все сказанное — отнюдь не точный снимок с дѣйствительности, слишком сложной, внутренне-противорѣчивой, многопланной, чтобы ее можно было выразить в одной формулѣ. Это только попытка отобразить главную линію развитія, намѣчающуюся, в качествѣ господствующей, тенденцію, проявляющую себя безсознательно и безотчетно нерѣдко и в тѣх, кто, казалось бы, сопротивляется ей. Нельзя упускать из виду и того, что и самый объект ненависти — «марксизм» в пониманіи масс величина очень расплывчатая и многоликая, понятіе, лишенное сколько-нибудь опредѣленнаго содержанія и тѣм легче вбирающая в себя любое. Это и социалдемократія, и парламентскій строй, и пацифизм, и еврейство, и безвѣріе, а заодно как будто и христіанство.

Как бы то ни было, «марксизм», во всей многогранности этого понятія, есть то, что наше время отрицает. Но что же утверждает оно? Логично было бы отвѣтить: все то, что отрицает «марксизм». Но это так только кажется на первый взгляд. Діалектика жизни много сложнѣе. Вѣрно, что в современном антимарксизмѣ есть подчеркиваніе тѣх цѣнностей, которых новѣйшій «марксизм», правда, не отрицал, но которыя все же он не признавал ни абсолютными, ни вѣчными — народность, національная традиція. Мы бы ожидали, что антимарксизм явится возродителем всѣх других цѣнностей, испытавших такое же отношеніе со стороны творческой роли личности. Марксизм требует «культуры по социальному заказу». В этом между «марксизмом» и новым антимарксизмом — никакой разницы. Марксистское отношеніе к культурѣ обусловлено его пониманіем человека как, прежде всего, потребителя благ. Не случайно, по терминологіи нынѣшних марксистов, художник, поэт, музыкант «работают» на феодальный, буржуазный и тому подобный «рынок». Строеніе всѣх сфер культуры мыслится здѣсь вполне

аналогичным строению сферы хозяйственных отношений. Это тѣснѣйшим образом связано с «марксистской» мечтой о земном раѣ, рауs de сосаgne, царствѣ Иванушки-дурачка, «марксистской» любви к вещам, к деньгам, к «удобствам». И в этом между «марксизмом» и «антимарксизмом» тоже — ни малѣйшей разницы.

Мнѣ все время приходится брать эти термины, «марксизм» и «антимарксизм», в кавычки, подчеркивая их условность. В сущности же и «марксизм» и «антимарксизм» и все то, что можно было бы покрыть термином «а-марксизм», всѣ современные направленія общественной мысли, поскольку она ставит проблему культурнаго кризиса, возрожденія культуры, сходятся в одном: всѣ признают, как нѣчто безспорное, непреложное, как исходный пункт всѣх разсужденій, всѣх планов, всѣх требованій то, что блага в мѣрѣ распределены несправедливо и что они должны быть распределены так, чтобы каждый человек имѣл автомобиль, радио и проч. «Одержимость идеей обогащенія» — такова, как выразился Бергсон в своем послѣднем твореніи, общая черта нашего вѣка. Кажется, он первый предложил единственно правильное разрѣшеніе проблемы, выдвинув «одержимость идеей бѣдности». Насколько я знаю, мысль Бергсона подхватил только один человек, эссеист Alain, противопоставившій недавно принципу «равенства в богатствѣ» принцип «равенства в бѣдности».

Важно во всяком случаѣ, что эта мысль была высказана — и притом двумя умнѣйшими и исключительно чуткими людьми. Это дает право утверждать, что подлинная реакція против «марксизма» уже наступила. Впрочем, опять таки, — подходит ли здѣсь термин «марксизм»? Это зависит от того, что мы желаем обозначить им: собственную ли мысль человека, давшего свое имя направленію, или ея пониманіе тѣми, кто считал себя его послѣдователями. Отличіе Маркса от всѣх Weltverbesser'ов (за исключеніем Бакунина) в том, что он ни разу не попытался дать хотя бы схему грядущаго преображеннаго міра. Бывают случаи, когда умолчанія говорят больше, чем самыя подробныя разглагольствованія. В ученіи Маркса это не «проблѣ», а напротив — самый важный пункт, как иная пауза в

музыкѣ, как «бѣлая страница» в поэтикѣ Маллармэ. Смысл этого умолчанія так ясен, что надо было быть «марксистом», чтобы не увидѣть его, чтобы «восполнять» пробѣл в ученіи учителя, как это дѣлали марксисты — подобно тому как Тургенев «восполнял» паузы в стихах Тютчева. А между тѣм, вѣдь, сам Маркс дал понять причину своего умолчанія. Пробьет «последній час» и человечество совершит «скачок из царства необходимости в царство свободы». Здѣсь всѣ слова сказаны, и каждое слово взвѣшено. Эволюціонный процесс завершен, исторія кончена, «времени больше не будет». Отнынѣ жизнь протекает в ином планѣ, в силу опредѣленія недоступном нашему сознанию, воспринимающему мір в категоріях, порожденных владѣющей и сознанием и міром «необходимостью», — в планѣ «свободы». Раз «свобода», то значит полная, абсолютная отрѣшенность от связующей дух матеріи, от забот о земных благах. К вопросам хозяйства, вопросам распредѣленія благ люди, в коммунистическом раю Маркса, как философы в государствѣ Платона, будут относиться так, как относились к ним Христос и св. Франциск, т.-е. — н и к а к . В этом великая, вѣчная правда Маркса, которую сам же он затемнил своим жалким ученіем о коллективном, безликом, бездушном, «опредѣленном производственными отношеніями» замѣстителѣ воплощеннаго Слова.

Так ученіе Маркса и судьба его пріобрѣтают значеніе своего рода эксперимента. Коллективный искупитель человечества оказался стадом. Только свободная духом личность дѣйствительно свободна. И только свободная личность может дать свободу людям, освободив их от потребностей, которым они себя поработили, потому что забыли о едином на потребу. Что это возможно, что не всегда люди рабствовали вещам, — об этом свидѣтельствует миѳ о насыщеніи четырех тысяч человек, «не считая женщин и дѣтей», семью хлѣбами. Нашему же времени всего лучше соотвѣтствовало бы сказаніе о том, как семеро человек нашли четыре тысячи хлѣбов — и остались голодными.

Ч. Бицилли.

Исканія соціальной правды молодой Франціей

Франція перестала быть спокойной, благополучной и консервативной страной, какой она многим казалась в послѣвоенные годы. Страна побѣдителей как будто бы долго не чувствовала кризиса міра. Послѣ войны съ особенной силой начали подчеркивать, что Франція — страна классическая, страна латинской мѣры, не теряющая разсудка, чуждая динамизму русских и нѣмцев. Французскій народ был осознан, как народ антиреволюціонный, вопреки тому факту, что он совершил столько революцій. Принципы либерализма и парламентской демократіи стали во Франціи принципами консервативными. Франція стала защитницей стараго міра против динамических движеній современности. Консерватизм современных французов, их сопротивленіе новым теченіям и в теоретической мысли и в соціальном дѣйствіи выражались прежде всего в приверженности идеям XVIII вѣка и французской революціи. Французы вѣрят в универсальное значеніе французскаго гуманизма, в каѳоличность разума, который есть разум латинскій, в каѳоличность принципов свободы и равенства, как их поняла французская революція. Но принципы французской революціи давно уже перестали быть динамическими, они стали статическими. Эрріо, вождь самой сильной и господствующей во Франціи партіи радикалов, поражает своей архаичностью и старомодностью: он человек позапрошлаго вѣка, ученик Руссо, якобинец, хотя отнюдь не кровожадный, он любит примѣшивать к политическим рѣчам проповѣдь универсальной гуманистической морали. Это свидѣтельствует о полном отсутствіи динамизма. Когда переводилась на французскій язык моя книга «Новое средне-вѣковье», мнѣ казалось, что она останется чуждой французам. В дѣйствительности именно во Франціи она имѣла наибольшій успѣх, но главным образом среди молодежи, в которой пробудились новыя настроенія и исканія. К современной Франціи уже

непримѣнима характеристика ея, как страны консервативной, спокойной и довольной. Эта характеристика остается вѣрной лишь в примѣненіи к старым политическим партіям, — может-быть, к старой университетской наукѣ. Традиціонных лѣвых я считаю консерваторами, это нужно имѣть ввиду во избѣжаніе недоразумѣній. Но сейчас даже радикальная партія, в этом отношеніи классическая, чувствует свою отсталось от жизни и желала бы омолодиться. Молодежь же современной Франціи очень взволнована и настроена революціонно. Она страстно ищет соціальной правды и иногда напоминает русскую молодежь второй половины XIX вѣка. И, что особенно нужно подчеркнуть, избранная часть французской молодежи связывает исканіе соціальной правды или с христіанством или во всяком случаѣ с защитой духа и духовных основ жизни. Эта молодежь не только настроена революціонно по отношенію к существующему порядку, или, вѣрнѣе, беспорядку, как обычно теперь говорят, но она даже злоупотребляет словом «революція», которое, очевидно, имѣет притягательную силу. Требованіе интегральной революціи стало почти общим мѣстом всѣх органов молодежи, всѣх их публичных выступленій. При этом часто остается недостаточно опредѣленным, что такое революція. О революціи говорит не только лѣвая часть молодежи, но и правая часть. Против современнаго парламентскаго режима, против коррупціи парламентаріев и министров, против скептицизма и либрпансерства либеральной и радикальной буржуазіи подымается революціонный протест слѣва и справа. Не хотят болѣе терпѣть игры партій, которая мѣшает всякому здоровому творческому движенію. Слева и справа иногда выставляют схожія требованія. Молодежь из лагеря Action Française иногда переходит к новым, очень лѣвым теченіям, и даже к коммунизму, так же как бывают и обратные переходы. Но молодежь одинаково враждебна выдохшемуся и разложившемуся либерализму, парламентаризму, отвращается от духа радикальной партіи. Нужно впрочем сказать, что в кругах французских *intellectuels* давно уже потерял кредит парламент и выходящая из парламента правительства. Политика считалась дѣлом професіоналов, очень отдаленных и от жизни французскаго народа и от интеллектуальной жизни Франціи. Но молодежь сейчас не

только далека от официальной политики парламентских партий и правящих кругов, она агрессивно ей враждебна. Это есть полный крах в молодых поколениях старого понимания свободы, доведшего до равнодушия к истине, до разложения. Эта свобода стала помехой в социальном реформировании общества. Но французская молодежь по иному взволнована, чем молодежь немецкая, итальянская или русская. Существуют, конечно, коммунистические симпатии. Это одна из форм, которая принимает анти-буржуазность, анти-капитализм, анти-либерализм молодежи. Но коммунизм во Франции слаб, он совсем не выдвигает значительных людей. Модное и часто снобическое обращение к коммунизму встречается среди старшего поколения *intellectuels* и *hommes de lettres*. Молодежь относится скептически к обращению А. Жида, это обращение не импонирует, хотя оно, может-быть, и вполне искренно. Так же и фашизм не французское явление, хотя сейчас во Франции, после февральских волнений, существует страх фашизма, почти что мания в этом отношении в левых кругах. Но настоящего фашизма во Франции не существует. Фашизмом часто называют просто правые течения, враждебные либеральной демократии и требующие сильной власти, течения агрессивно буржуазного характера. Забывают, что фашизм есть движение народное и демократическое по своему социальному составу. *Action Française*, например, совсем не есть фашизм. Во главе фашистского движения не могут стоять такие типичные литераторы, *intellectuels*, как Ш. Моррас и Л. Додэ. Фашизм основан на идее тотального государства, на крайнем этатизме. Между тем как Ш. Моррас считает себя антиэтатистом и обвиняет демократическую республику в эксцессах этатизма. Это связано с характером французской революции и с ее результатами.¹⁾ Но наиболее интересные движения молодежи и не фашистские, и не коммунистические, и не *Action Française*, в них то и есть новые искания. Движения эти, будучи резко анти-буржуазными и анти-капиталистическими, отличаются и от коммунизма и от фашизма

¹⁾ Для антиэтатизма правых течений во Франции очень интересна книга *Augustin Cochin* «*La révolution et la libre-pensée*». Кошен возстает против социализации мысли и социализации личности, происходящих со времени французской революции.

тѣм, что они антиэтатичны, персоналистичны, защищают свободу духа и достоинство личности. И в этом они сознают себя специфически французскими. Нерѣдко во Франціи раздаются голоса среди представителей новых теченій, что миссія Франціи защищать свободу и личность против угрожающих им движеній, но защищать совсѣм не на почвѣ либеральных принципов. Персонализм этих теченій есть вмѣстѣ с тѣм рѣзкій анти-индивидуализм. Это представляется мнѣ наиболее цѣнным и наиболее близким моим собственным взглядам.

Послѣдніе годы во Франціи появился цѣлый ряд органов молодежи и ряд группировок, иногда неуловимыми чертами отличающихся между собой. Всѣх соединяют между собой отрицательныя отталкиванія. Отрицательныя отталкиванія, общая нелюбовь сближают даже такіе органы, как «Esprit» и «La revue du siècle», хотя «Esprit» очень лѣваго направленія, а «La revue du siècle» имѣет явно правый уклон. Но и «La revue du siècle» отталкивается от капитализма и ищет ordre nouveau, лозунг всей идейной французской молодежи. Появляются органы молодежи, представляющіе небольшія группы, с очень кратковременным существованіем, напримѣр «La lutte» и мн. др. Интересно ведется «Le nouveau cahier bleu». Но особенно слѣдует отмѣтить «Esprit», «Ordre nouveau» и «Troisième force», зачаток новой политической партіи, рождающейся из социальных исканій молодежи. «Esprit» ежемѣсячный толстый журнал. Вышло уже восемнадцать книг. Это журнал идеологическій, занятый выработкой социальной программы на духовных основах. Инициатива его принадлежала католической группѣ, редактор Мунье — католик. Периодически «Esprit» выпускает номера, посвященные одной какой-нибудь проблемѣ. Так были номера, посвященные проблемам «собственности», «денег», «труда», «колоніальной политики», «фашизма» и др. № 6 журнала был посвящен центральной для «Esprit» проблемѣ — «Rupture entre l'ordre chrétien et le désordre établi». Это есть разрыв христіанства с буржуазным міром. Вся почти христіанская молодежь Франціи, католическая и протестантская, хочет этого разрыва, это есть общее для всѣх настроеніе. Очень интересно для духовнаго поворота, что свободомысліе, враждебный религіи лаицизм, позитивизм в широ-

ком смыслѣ для современной молодежи ассоциируется с буржуазными течениями и партиями. Поскольку французский социализм продолжает стоять на почвѣ просвѣтительных идей XVIII вѣка, новая молодежь не может с ним соединиться, несмотря на сочувствіе многим сторонам социальной программы. «Esprit» призывает прежде всего к духовной революции и лишь в связи с ней к революции социальной. Иногда революционный лозунг выражается как требование персоналистической революции, революции во имя человеческой личности. И по истинѣ нужно сказать, что это было бы самой большой и еще никогда не бывшей революціей. Перед революціей, которая происходит в мирѣ, стоит не только проблема *communauté*, но и проблема *personnalité*, и обѣ проблемы между собой связаны. Уже «*Ordre nouveau*», течение возникшее раньше журнала «Esprit» и одно время издававшее журнал «Plans», положило в основу примат духовного начала. В самых первых воззваніях «*Ordre nouveau*» было провозглашено: «Сначала духовное, потом экономическое, политическое на службѣ экономического и духовного». Это рѣзко отличает новые течения от всѣх старых направлений и от социалистической партии, несмотря на социалистическій характер программных требований этих течений. «*Troisième force*» есть движение, вышедшее из нѣдр «Esprit», его глава Изар основал «Esprit» вмѣстѣ с Мунье. Это движение хочет быть политически активным и даже выставить своих кандидатов в парламент, но исключительно для его взрыва. «*Troisième force*» не хочет оставаться исключительно в кругу интеллигенции и пытается привлечь и рабочих. «Третья сила» стоит между социалистами и коммунистами. И от социалистов, и от коммунистов она отличается прежде всего признаніем духовного начала. Изар — католик. Это течение стоит лѣвѣе социалистической партии, потому что не вѣрит в эволюцію к социалистическому строю путем парламентской борьбы, сохраняющей принципы формальной демократіи. От коммунизма же его отличает постановка в центрѣ проблемы личности, признаніе духовной жизни, анти-этатизм, синдикализм и федерализм. В исканіях молодой Франции есть общія черты, объединяющія всѣ течения, даже когда они между собой ссорятся. Этими чертами французская молодежь отличается от молодежи нѣмецкой,

итальянской, русской и ближе к молодежи английской. Всё враждебно материализму, скептицизму, безбожию, ищут духовных и религиозных основ нового социального порядка. Если это не определённые католики или протестанты, то все-таки стоят на спиритуальной почве и ничего общего не имеют с предшествующими поколениями, воспитанными на позитивизме. Таков, например, преждевременно умерший Дандье, талантливый автор книги «La révolution nécessaire», главный идеолог «Ordre nouveau», который не был ни католиком, ни протестантом, хотя перед смертью, как говорят, обратился. Всё течение враждебно капитализму, который рассматривается как беспорядок и анархия и обличается прежде всего в античеловеческом характере. Человечность есть очень важная черта французских течений, отличающая их от фашизма и коммунизма. С этим связан их персонализм, признание безусловной и верховной ценности всякой человеческой личности. Поэтому молодая Франция ищет нового социального строя, который признает ценность и достоинство всякой человеческой личности, а не только личности, принадлежащей к привилегированным группам, обеспечить всякому трудящемуся достойное существование. Капитализм дегуманизировал общество. Но коммунизм и фашизм продолжают эту дегуманизацию. Интересующая нас течение антиэтатичны, они враждебны тотальному государству, в них есть даже некоторый анархический уклон. Дандье с сочувствием цитирует места из Бакунина, в которых тот писал против централизма марксистского коммунизма и предсказывал его деспотические последствия. Французские течения ближе к традиции Прудона, чем к традиции Маркса, хотя Марксом интересуются и изучают марксизм. Для изучения марксизма при «Esprit» образована даже особая группа. Всё эти течения защищают в той или иной форме корпоративное, синдикалистское устройство общества, требуют корпоративного экономического парламента и уничтожения парламента, основанного на господстве партий. Французская молодежь интересующих нас духовно-социальных течений не отрекается от свободы, но она порывает с формальной, бессодержательной свободой поколения отцов, хочет свободы духовно обоснованной. Либерализм утверждал свободу равнодушную к Истине. Теперь хотят обосновать свободу на

Истинѣ. Таковы общія черты современных исканій во Франціи.

Из французских писателей предшествующаго поколѣнія наибольшее вліяніе на молодую Францію сейчас имѣет Ш. Пеги и Л. Блуа, особенно Пеги, который импонирует своим нравственным образом, своим исканіем христіанской правды в соціальной жизни. То противоположеніе, которое Ш. Пеги дѣлал между «мистикой» и «политикой», очень подходит к настроеніям лучшей части молодежи, презирающей современную «политику». «Мистика» не имѣет тут традиціоннаго смысла, она означает существенность, правдивость, искренность, «политика» же означает конформизм, лживость, отсутствіе глубины. В этом смыслѣ молодежь хочет «мистики», а не «политики» в соціальной жизни. Л. Блуа дорог своей страстной борьбой против буржуазнаго духа, острым обличеніем противоположности между религіей креста и буржуазностью. Бороться нужно не только против буржуазности в соціальном смыслѣ, но и против буржуазности в духовном смыслѣ. Буржуазный дух особенно силен во Франціи. И не случайно Л. Блуа явился именно во Франціи. Тип мелкаго буржуа задает тон всей жизни во Франціи. Нѣкогда аристократическая страна обратилась в страну буржуазную по преимуществу. И сопротивленіе французской буржуазіи перерожденію общества вѣроятно будет сильнѣе, чѣм в других странах. Поэтому во Франціи в молодых теченіях постоянно говорят о революціи, понимая под ней революцію духовную и революцію соціальную. Иное положеніе в Англіи, гдѣ буржуазія утратила силу сопротивленія, и гдѣ, вѣроятно, будет легче осуществить социализм. Центральная сила буржуазной демократіи во Франціи, представленная главным образом радикальной партией с правыми и лѣвыми оттѣнками, разлагается и потеряла нравственный авторитет. Революціонныя настроенія нарастают и слѣва и справа. Но инерція и сопротивленіе буржуазнаго духа очень сильны. Этим буржуазным духом заражены вліятельные и господствующіе правящіе круги католической церкви, и еще болѣе ими заражены старые протестантскіе круги. Но католическая молодежь настроена иначе. Не всѣ молодые являются христіанами, но возрожденіе христіанства все же играет большую, даже опредѣляющую роль в молодых теченіях. Я бы назвал это пробужденіем христіанской совѣсти. Проснувшаяся

христианская совесть требует переоценки по всем основным вопросам жизни. Христианская совесть пробуждается, как суд над неправдой капитализма и угнетения человека человеком, как суд над неправдой национализма, порождающего войны и истребление человека человеком. Молодые чувствуют себя французами, но они не националисты. Это черта отличная от фашизма, который меньше всего думает об осуществлении христианской правды в жизни. Несмотря на сходство в основных лозунгах молодых группировок, есть, конечно, раздор и взаимобвинение, что ослабляет движение. Так в настоящее время произошла распря между «Esprit» и «Ordre nouveau», несмотря на сходство в исходных принципах. «Esprit» больше «Ordre nouveau», имеет связи с более левыми кругами и склонно подозревать «Ordre nouveau» в тайном уклоне к фашизму, для чего, мне кажется, нет достаточных оснований. Кроме того «Esprit» видит в «Ordre nouveau» тенденции к технократии. «Ordre nouveau» выработало план всеобщей трудовой повинности, схожей с воинской повинностью, которая должна разрешить рабочий вопрос, т.-е., сделав всех рабочими в годичный период их жизни, уничтожить рабочий класс и пролетариату. Этот план заслуживает серьезного внимания. Но тут возможен, конечно, уклон к технократии, так как во главе такой организации становятся инженеры — техники. Разногласие между «Esprit» и «Ordre nouveau» не представляется особенно существенным. «Esprit» теоретичнее. Один из главных деятелей «Ordre nouveau» Даниель Ропс, тонкий писатель, сотрудничает и в органах более правого и даже фашистского уклона, но это и вызывает возражения группы «Esprit». Интересно отметить, что старая левая революционная направленность во Франции относится подозрительно и враждебно к новым течениям. Таково прежде всего отношение «Europe», органа симпатизирующего коммунизму, хотя и не марксистского. Его редактор Гюенно возмущается против молодых течений, он не верит их революционности и даже подозревает их в тайной реакционности. Причины этого понятны. Гюенно и революционные литераторы типа «Europe» стоят на почве идей XVIII и XIX вв., они духовно и идеологически консервативны и защищают старомодную революционность, они все еще проникнуты «просветитель-

ной» враждой к религии и духу. Принцип духовного начала, да еще примата духовного начала представляется им реакционным и контр-революционным. Никакая революционная социальная программа не спасет от обвинения в реакционности, если вы христианин, католик, или даже просто признаете дух. Совершенно так же смотрят все традиционные радикалы, которые продолжают себя считать «лѣвыми» только потому, что они лаицисты, враждебны церкви, позитивисты. Подлинная революция осуществится нарождением новых поколений, людей иного духа, людей, признающих дух. Соединение духовности с социальным радикализмом и есть современная революция. Пока она совершается главным образом в кругах интеллигенции. И опасность в том, чтобы движение не осталось замкнутым в интеллектуальном кругу. Движение должно выйти в более широкие социальные круги. Слабость молодых движений, в которой их иногда справедливо упрекают, в том, что слишком мало думают о путях реализации вырабатываемой программы, о приобретении силы. Воля этой молодежи направлена к правде, и идеи их выше идей фашистских и коммунистических, но весь вопрос в том, удастся ли сделать эти идеи силой, направляющей социальную жизнь. Революция может снести их. Старые силы буржуазных партий, как и новые силы фашистские и коммунистические не стѣсняются в средствах. Как осуществлять, реализовать правду более высокую, пользуясь средствами более чистыми, в этом основная проблема христианского сознания. Эта проблема стоит и перед Молодой Францией.

Николай Бердяев.

Дѣло Рузвельта

1. Клуб непонимающих

За пятнадцать мѣсяцев со времени перваго посланія Рузвельта конгрессу, американская литература обогатилась нѣсколькими не лишенными блеска политическими памфлетами. Все же самой ядовитой была сатира не писанная, а живая: «Клуб ничего непонимающих». Его основали враги Рузвельта, которые на своих собраніях обсуждали смятеніе в настоящем и темный хаос в будущем, порожденные хозяйственными реформами президента. Клуб мог бы безмѣрно расширить свой состав не только лицами, считающими дѣло президента и его сотрудников гибельным, но и тѣми, кто горячо ему сочувствует или, выжидая результатов, пассивно терпит. Обиліе «непонимающих» по обѣ стороны океана объясняется не одной лишь сложностью экономических явленій, затронутых в Америкѣ смѣлым законодательством и невиданной хозяйственной практикой. Ученіе «как государство богатѣет» было всегда мало доступно не-спеціалистам, даже в далекія и блаженныя времена, когда для его усвоенія было достаточно читать Адама Смита. На международной хозяйственной конференціи в Лондонѣ присутствовали не обыватели, а извѣстные всему міру спеціалисты и ученые. Не без вызова и научнаго самодовольства они подчеркивали свое полное непониманіе дѣйствій Рузвельта и в кулуарах в качествѣ единственной гипотезы, объясняющей противорѣчія в посланіях президента, выдвигали его «фантастическое невѣжество» в экономической наукѣ.

Было бы несправедливо отнести к упорному «непониманію» как к приему борьбы враждующих социальных сил, или разсматривать его как столкновение двух школ, полностью друг друга исключаящих. Вѣдь, своеобразіе практики Рузвельта в том и заключается, что ея никак не уложить в теоретически оформленную систему. Причина «непониманія» гораздо глубже. Она связана с нѣкоторыми специфическими особенностями на-

уки о народном хозяйствѣ. Экономическая наука родилась полтора вѣка тому назад на зарѣ эпохи предѣльно свободнаго хозяйства. Случайность рожденія обусловила основныя предпосылки новаго ученія, а его дальнѣйшее теоретическое развитіе было отраженіем в отчетливо формулированных «экономических законах» производственнаго развертыванія, единственнаго и неповторимаго в исторіи вѣка. У своих истоков этот чудесный вѣк примыкал к хозяйству замкнутых цехов и гильдій, а закончился на глазах наших отцов связанным хозяйством трестов, картелей, государственных и синдикальных монополій. За этот короткій період из всѣх стихій было извлечено больше могущества, чѣм за все время существованія человѣка на землѣ. Бурное матеріальное преображеніе міра в девятнадцатом вѣкѣ принято приписывать концентраціи производственных сил. Концентрація была лишь слѣдствіем экономической свободы — хозяйства безогляднаго и безпощаднаго. В ничѣм не ограниченном соревнованіи стремительно возносилось вверх все крѣпкое, творящее, для даннаго момента рентабельно оправданное. Цѣлые хозяйственные организмы и социальныя пласты обрекались на гибель, нищету и вырожденіе, если труд их давал менѣе продуктивныя результаты, чѣм труд болѣе удачливых соперников. Капитал в сочетаніи с дарованіем пріобрѣл необычайную подвижность: любое мѣсто на земном шарѣ, гдѣ предчувствовалось пробужденіе новых сил, стихійно его привлекало. В пору своей цвѣтущей юности этот недолговѣчный строй искал таланты и в них нуждался. Из жизни устранялось все, что мѣшает свободному соревнованію и выявленію индивидуальных способностей: привилегіи рожденія, касты; скептицизм развѣдал вяжущую власть традицій и авторитетов. Исканіе было провозглашено высшей формой любви к человѣку — ничѣм не стѣсненное, всепроникающее точное изслѣдованіе; а высшей доблестью — рекорд, — преодоленіе в безудержном соревнованіи. Из всѣх хозяйственных систем становленіе индустріальнаго капитализма было наиболѣе родственно процессам, прѣисходящим в живой природѣ и открытым в этом же вѣкѣ: борьбѣ за существованіе и выживанію приспособленных на трупах ослабѣвших или обойденных неблагоприятным сочетаніем внѣшних условій. Освоеніе этих, тогда еще оголенных,

не осложненных дальнѣйшими изслѣдованіями истин оказало вліяніе не только на матеріалистическую философію и этику, но и на формулированіе законов хозяйственнаго развитія. Именно тогда со всей отчетливостью было обосновано свойство капиталистическаго хозяйства регулироваться автоматически при помощи чудеснаго и незыблемаго во времени механизма свободнаго цѣнообразованія на рынкѣ, созданнаго борьбой экономических сил. Были научно освящены законы о рентѣ, о неизбежных, саморазсасывающихся, заранее предвидимых кризисах, необходимых для періодическаго устраненія накопившихся в хозяйствѣ диспропорцій. Вѣрили, что, подобно законам біологіи, и эти «законы» имѣют универсальное и вѣчное значеніе. Историческая перспектива придаст XIX вѣку особую колоритность, и нашим потомкам он будет казаться самой яркой, самой сказочной из всѣх эпох европейской культуры.

Соединенные Штаты послѣ междоусобной войны сразу перешли от хозяйства рабовладѣльческаго к эпохѣ зрѣлаго капитализма. В свѣжей, дѣвственной средѣ, не знавшей европейскаго устоявшагося и организованнаго ремесла, капиталистическая система проявила невиданный творческій размах, но быстро гипертрофировалась и отяжелѣла: было время, когда тресты и картели считались явленіем нездоровым, вызванным специфически американскими условіями. Но именно в Америкѣ монопольныя тенденціи в хозяйствѣ вызвали наибольшее возмущеніе и наиболѣе дѣйственные протесты. Соединенные Штаты были тогда не только страной трестов, но и страной піонеров и психологіи масс были близки идеи классической либеральной школы во всей их первобытной свѣжести, в то время, как в Европѣ онѣ давно были сужены и обезкрылены работами Ф. Листа, австрійской школы и других. Лозунгом, давшим Теодору Рузвельту президентскій пост (1901 г.), было обѣщаніе «взорвать тресты». Сколько пламенной вѣры в цѣлительную силу освѣжающаго вѣтра свободной конкуренціи, сколько наивных аргументов из арсенала Бастіа было в его предвыборных рѣчах. В отвѣтъ — буря восторга и званіе любимца народа. Тенденціи треста казались соціальной патологіей, грозящей естественному порядку вещей и праву cadaго созидать свое счастье. Очень скоро выяснилось, что уничто-

жить тресты невозможно. «Теодор Рузвельт, пишет теперь Франклин Рузвельт, пытался передвинуть назад часы истории. Это оказалось невозможным». Законодательство против трестов выродилось в бессильное дѣленіе их на «хорошіе» и «дурные», при чем «дурные» тресты путем несложных формальностей обходили всѣ чинимыя им затрудненія.

За время, протекшее между избраніем Теодора Рузвельта и Франклина Рузвельта, часы истории все ускоряли свой ход. Наканунѣ войны почти вся крупная промышленность Соединенных Штатов была подѣлена между шестьюстами гигантскими концернами. Послѣ войны и великой технической революціи на двигался уже третій період: измѣненіе во внутренней структурѣ самых трестов и их хозяйственное окостенѣніе. Разразилась катастрофа 1929 года. Кризис охватил весь мір и не рассывался в предуказанное наукой время и предусмотрѣнными ею путями. Создалось положеніе, при котором в сякое немедленное дѣйствіе спасительнѣе самаго мудраго выжиданія. Наука о народном хозяйствѣ, возвращенная в эпоху далеко унесенную временем, была бессильна теоретически оформить новый мір. Ея лучшіе представители искренне не понимают дѣла Франклина Рузвельта и его революціонных совѣтников. Ни науку, ни ея служителей нельзя за это осуждать. Их давно и навсегда защитил Гегель. «Философія и без того всегда приходит слишком поздно, чтобы сказать свое слово наставленія о том, каким должен быть мір. Как мысль міра, она появляется лишь в такое время, когда дѣйствительность уже завершила процесс своего образованія и приняла законченныя формы... Когда философія рисует сѣрым по сѣрому свою картину, форма жизни уже состарилась, и «сѣрым по сѣрому» ея нельзя омолодить, а только лишь познать; только в сумерках сова Минервы начинает свой полет»...

Поколѣнію, живущему на рубежѣ двух безконечно чуждых друг другу эпох, суждено видѣть все великолѣпіе заката прошлаго и лишь прерывистыя зарницы будущаго. Не потому ли с такой изумительной отчетливостью воспринимается сейчас сокровенный смысл міра, себя исчерпавшаго и погружающагося в небытіе? И только для него сумеречная птица мудрости начала свой запоздалый, свой медлительный полет.

2. Р о б о т и е г о т њ н ь

Теодор Рузвельт сражался с трестами с запальчивостью партизана и переоцѣнил значеніе моральной правоты, как оружія в хозяйственной борьбѣ. Теоретически он защищал ущербленные блага рыночной конкуренціи. Европейскіе политико-экономы, придерживавшіеся тѣх же взглядов на цѣлительное значеніе свободного цѣнообразованія, тѣм не менѣе Теодора Рузвельта тогда не поддержали. Его наивный наскок нарушал еще болѣе глубокое и неукоснительное представленіе об ограниченности человѣческой воли в хозяйственных процессах: вѣдь, нигдѣ идеалистическій порыв Дон-Кихота не приносит столько реальных бѣдствій и опустошеній, как в области экономической.

Теодор Рузвельт воевал с трестами «горизонтальными». Они объединяли предпріятія, добывавшія или производившія одни и тѣ же продукты, и кульминаціей их стремленій была власть над рынком. Этот трест идиллическаго времени сохранял большую хозяйственную гибкость. Соотношеніе подвижной части его достоянія (оборотный капитал) и части связанной (основной капитал) было нормальным для свободного маневрированія и допускало широкое приспособленіе к запросам рынка. Можно было выключать из производства отдѣльные цехи или цѣлыя фабрики, уменьшать количество сырья на складах или наполнять их запасами готовых издѣлій. Разбухшій производственный комплекс измѣнил лишь отношеніе производителя к потребителю. Внутренняя, чисто техническая структура оставалась прежней. Этот былой американскій горизонтальный трест В. Зомбарт назвал «типичнѣйшим проявленіем поздняго капитализма».

Так было до технической революціи. Как всѣ великія революціи, подготовлялась она исподволь, и никто не вѣдал часа ея прихода. Первыя осознанныя проявленія происшедших глубоких перемѣн относят теперь к 1924 году. Датой рожденія новой промышленности, в дѣйствительности слѣдует считать 1915-1916 г.г., когда Соединенные Штаты превратились в грандіозную мастерскую для воюющих народов. Чудесный механизм рынка был насильственно пріостановлен и потерял вся-

кую власть над производством. Из всѣх стран противогерманской коалиціи и из нейтральных стран по порученію коалиціи германской лился непрерывный поток заказов и золота. Все добываемое и изготовляемое человеком было необходимо на неопредѣленный срок и в неопредѣленно большом количествѣ. Все закупалось вперед, «на корню» — совершенно независимо от стоимости. Премировалась лишь скорость выпуска издѣлій. Тогда-то и создались условія для искусственно ускореннаго, завершающаго порыва давно намѣтившихся тенденцій.

Основным принципом завода-робота, его душой — является внутреннее движеніе добываемаго или обрабатываемаго продукта. Оно дано, как слѣдствіе из свойств матеріала и требуемаго конечнаго его видоизмѣненія. Движеніе это раз навсегда задано: его можно замедлить или ускорить, но нельзя измѣнить волею руководителей предпріятія. Подобно циркуляціи крови в живом организмѣ, этим неукоснительным движеніем опредѣляются всѣ функции и все строеніе новой промышленности. Им диктуется организаціонная схема и ему же подчинены техническая и административная стороны предпріятія. Трактор, пушка, вагон, снаряд, автомобиль, плуг, станок, паровоз, ткань, башмак — подвергаются скрупулезно-тщательному изученію со стороны свойств матеріала и количества времени нужных для его обработки и сборки. На основаніи этих данных и предъявляемых потребителем требованій вырабатывается «нормальный», «серійный» тип массоваго изготовленія. Затѣм при участіи конструкторов и рабочих высшей квалификаціи разрѣшается самая трудная и сложная задача: все изготовленіе разбивается на операціи, непосредственно слѣдующія друг за другом и отнимающія приблизительно одинаковое время. В этот опредѣленный промежуток времени должны уложиться вращеніе каждаго из станков или движенія каждаго рабочаго. Львиная доля таланта, ума, опыта и капитала поглощается теперь не самым процессом производства, как было в эпоху «горизонтальных» трестов, а созданіем готовности к производству в огромном масштабѣ. Несказанно измѣнился самый вид производственных агрегатов. Картины Менцеля безнадежно устарѣли.

Длинный свѣтлый зал. Чистыя кафельныя стѣны с двумя

ярусами чугунных дисков — передних частей замурованных котлов. Выше этажом монотонное гудѣнье мельниц, распыляющих уголь и автоматически направляющих его в топки. Зал пуст и тих. Ни лязга топочных дверей, ни скрежета лопат. Исчезли полуголые кочегары и подкатчики, съѣдаемые угольной пылью, покрытые ѣдким потом у адскаго пламени топочных отверстій. Огромной установкой, гдѣ освобождается энергія для всего завода, вѣдает только один человек. У его стола мраморная доска с измѣрителями. Под ними маленькіе рычаги — вожжи от всѣх процессов внѣ и внутри котлов.

Машинное отдѣленіе. Нарядный огромный зал со стеклянным потолком. Десять турбогенераторов. Блестят счетчики, тихо передвигаются под стеклами стрѣлки. Об исполинской мощности, развиваемой машинами, можно судить лишь по вибраціи всего зданія от фундамента до крыши. В этом обширном и пустынном помѣщеніи человек приходится разыскивать.

Автоматическіе станки, выполняющіе множество разнообразных операций в положенное число секунд с точностью, вызывающей суевѣрный страх у старых мастеров «поздняго капитализма». Эти станки непрерывно втягивают металлическія штанги и непрерывно выплевывают на бѣгущую ленту сложнѣйшія, уже свинченныя, части машин.

Вот как описывает конечное, сборочное, отдѣленіе завода-робота молодой американскій профессор, нынѣ один из сотрудников Франклина Рузвельта. «Вы чувствуете могучій толчок, вызывающій отвѣтный гул бетона, стали и стекла, из которых построена мастерская. Это передвинулась лента — и одновременно тысячи рук поднялись, сдѣлали нѣсколько точно размѣренных движеній и на секунду замерли неподвижно. Снова толчок, снова взвивается лѣс рук, стук гаечных ключей, взвизгиваніе ручных станков — и секундный мертвый интервал. И так каждая 20 секунд. Мастерская работает как дирижируемый оркестр, и, когда я закрывал глаза и прислушивался, я улавливл ритм своеобразнѣйшаго музыкальнаго произведенія неслыханной мощи».

Заводу-роботу необходима непрерывная подача сырья или полуфабрикатов, как непрерывен выпуск его издѣлій. Система складов устарѣла. Нужны собственныя шахты и контролируе-

мый заводом же транспорт. Народился «вертикальный трест», охвативший и спаявший замкнутым в себя движением все производство — от добычи руды до выпуска автомобиля.

Новая промышленность совершила три чуда: она может в кратчайший срок обуть, одеть, снабдить инструментами или средствами передвижения неисчислимыя людскія массы или вооружить на землѣ всѣх, кто способен носить оружіе. При очень высокой заработной платѣ ея «серійныя», «стандартныя» издѣлія стоят баснословно дешево. Наконец, совершенно реальныя очертанія приняла тенденція избавить человѣка от труда, обойтись минимумом физических усилій, количественно уменьшить и качественно неузнаваемо деформировать рабочій класс «сверхпоздняго капитализма». И всѣ три чуда, еще до конца не реализованныя в хозяйственной жизни, принесли неслыханныя бѣдствія нашей эпохѣ.

Завод-робот отбрасывает множество причудливых тѣней, и, несмотря на сверхновизну, в нем бродят призраки, как в старом феодальном замкѣ. Густая тѣнь ложится от него в бухгалтерских книгах. Запись расходов на заработную плату необычайно сжалась. Зато чудовищно выросли затраты на основное устройство. Для их покрытія неизбежны займы. По займам надо платить проценты. Находится ли завод на полном ходу, работает ли замедленным темпом или стоит, — на расходах это мало сказывается. В противоположность расходным смѣтам заводов «поздняго капитализма», львиная доля издержек падает не на самый процесс производства, а на оплату потенциальнаго могущества, дремлющаго в машинах — звеньях производственной цѣпи. Это цѣна готовности в благопріятный момент, когда цѣпь производства придет в ритмическое движеніе, выбрасывать исполинское количество дешевых и прекрасно сработанных издѣлій. Самое парадоксальное — в том, что такой завод мог бы работать и тогда, когда не кому его издѣлія покупать: относительный рост убытков не стал бы значительнѣй. Тѣни, окружающія завод-робот со дня его рожденія, постепенно все множатся. Появляются тѣни тѣней в банках, переучитывающих и скупающих заемныя обязательства. Солнце конъюнктуры то удлиняет их, то укорачивает: в царствѣ тѣней все

зыблемо, шатко и измѣнчиво. Тѣм не менѣе тѣни повелѣвают конкретно творящими реальностями и по закону почитаются их господами. В наши критическіе дни власть тѣней сказалась главным образом в том, что онѣ останавливали заводы. Привести их снова в движеніе онѣ сейчас совершенно безсильны.

Завод-робот должен обезпечить себѣ постоянный и массовый сбыт. Без такой возможности не оправдана самая его специфичность, и этим он отличается от своего предка — завода дореволюціоннаго. Он не может обойтись без могущественнаго монопольнаго объединенія по сбыту. Тѣ, кто спорит о возможности подчинить хозяйственные процессы плану, часто не догадываются, что давно уже ведущіе верхи индустріи добровольно приняли, если не план, то «устав», в принципѣ от плана мало отличающійся. Только хозяйственным назвать его никак нельзя. Уставы американских монопольных синдикатов весьма мало озабочены интересами потребителя. Многие считают это зло неизбежным. Но синдикатам чужды и интересы прогрессирующаго производства. Распредѣляя рынок, они в удѣльном вѣсѣ промышленнаго предпріятія игнорируют его производственный уровень. Завод отсталый, работающій плохо и дорого, но имѣющій банковскую опору, получает бѣльшій контингент, чѣм новѣйшій завод-робот. Когда падающая емкость рынка диктует необходимость уменьшить производство, останавливают заводы рационализированные и одновременно пристраивают ненужные цехи в запущенном заводѣ исключительно для того, чтобы оправдать формальное право на бѣльшій выпуск издѣлій. При реализаціи «плана» рѣшающее вліяніе оказывают моменты, ничего общаго с интересами хозяйства не имѣющіе. Синдикат строится как бы на вѣчныя времена. Особыя потомственныя привилегіи имѣют «собиратели» синдиката. От договоров монопольных объединеній вѣет духом средневѣковых хартій, межующих домены феодальных властителей и их потомков. Свобода маневрированья этих неуклюжих промышленных армид крайне сужена. Под грозою кризиса онѣ костенѣют, застывая мертвой неподвижной глыбой.

3. Франклин Рузвельт смотрит вперед

«Looking forward» зовется книга Франклина Рузвельта, гдѣ собраны его рѣчи и статьи, имѣющія принципиальное значеніе. Написанная с исключительной ясностью, она посвящена экономическим и политическим вопросам, интересующим население Соединенных Штатов. В ней неизбежно затронуты и всѣ большыя проблемы современности. Тѣм не менѣе совершенно невозможно формулировать по ней міровоззрѣніе президента. У Рузвельта нѣтъ заранее заданной, теоретически выношенной точки зрѣнія на людей, учрежденія и событія. Нѣтъ ничего легче, как уличить Рузвельта в теоретических прорѣхах, противорѣчіях, наивности или в том, что им прочитаны не всѣ основныя труды по вопросам, о которых он высказывается. Не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію, что любой посредственный политическій или экономическій обозрѣватель европейскаго журнала прочел по своей специальности гораздо больше книг. И все же статьи Рузвельта обладают особой убѣдительностью, и понятен их исключительный успѣх у американскаго читателя. Франклин Рузвельт, дѣйствительно, смотрит вперед. Над ним не тяготѣют ни теорія, ни политическая традиція. Словно вновь созданному человѣку показан старый міръ и разрѣшено снять с вещей их обветшалыя названія и дать им новыя имена, как их подскажет здравый смысл и ничѣм не заслоненные, широко открытые глаза. В этом, пожалуй, есть и «традиція» специфически американской свѣжести и непосредственности, еще не сломленной піонерской вѣры в творческую власть человѣка над отведенной ему дѣвственной землей.

Преобразовательныя идеи Рузвельта принадлежат не ему одному. Онѣ разрабатывались группой молодых ученых. Разрабатывались с научной тщательностью, но и со страстью, невозможной, на примѣр, у нѣмецкаго ученаго. Чрезвычайно характерно, что истоки научной подготовки друзей и соратников Рузвельта восходят не к теоретическим кафедрам политической экономіи, а к особому типу «экономических лабораторій» — конъюнктурным институтам. Главная работа американских институтов, в отличіе от европейских, сводилась к

практической проблемѣ предвидѣнія, а не к теоретическому изученію вопросов конъюнктуры. Вначалѣ конъюнктурные институты обслуживали практическія потребности дѣлового человѣка. Экономическая жизнь усложнялась, и становилось все рискованнѣе руководствоваться «дѣловым чутьем» или «дѣловым опытом». Необходим был нѣкій объективно-научный показатель, «барометр» или «компас», как его называли в Америкѣ. Наиболѣе научные из этих барометров имѣют в своей основѣ разработку современными математико-статистическими методами огромнаго цифрового матеріала. До кризиса научное первенство принадлежало барометрам Гарвардскаго (Кэмбридж в Массачузетсѣ) и Колумбійскаго университетов. Барометры давали правильныя предсказанія до 1925 года, когда кривая товарнаго рынка вдруг нарушила причинную послѣдовательность: несмотря на движеніе вверх кривой фондоваго рынка, кривая товарнаго рынка за ней не послѣдовала, а до конца года оставалась на мѣстѣ, чтобы потом начать понижаться. Торгово-промышленная дѣятельность процвѣтала, царило полное благополучіе и получался таинственный парадокс хозяйственнаго подъема при падающих товарных цѣнах. В нѣмецкой литературѣ усмотрѣли в этой неувязкѣ банкротство американских выводов на основаніи эмпирически наблюденных правильностей. Доктор Е. Альтшуль писал (в «Магазин дер Виртшафт» за 1927 год), что здѣсь кроется мѣсть экономической теоріи, которой пренебрегли. Теперь мы знаем, что барометр с изумительной чуткостью уловил зарожденіе урагана за четыре года до его опустошительнаго налета, но тогда эта загадка заставила молодых ученых заняться самыми основами хозяйственнаго бытія, подойти к ним с новыми конкретными методами. За годы кризиса, в удушающей безысходности изслѣдователи еще болѣе осмѣлѣли и пришли к открытому бунту: они не хотят больше регистрировать и предвидѣть хозяйственныя явленія, они хотят насильственно на них воздѣйствовать.

Внимательное изученіе идей Рузвельта и его окруженія вскрывает еще один источник их зарожденія — работы технократов. Планы технократов слишком радикальны, а иногда фантастичны, и ни Рузвельт, ни его сотрудники по тактическим соображеніям ссылаться на них не будут. Технократы утвер-

ждали, что техническая революція ведет к необычайному удешевленію и улучшенію жизни, но она же вытѣсняет челоуѣка из производства. Челоуѣк будет все больше «освобождаться от физическаго труда» и тѣм самым от возможности покупать издѣлія новой промышленности. Нынѣшнія арміи безработных лишь в нѣкоторой части своей порождены кризисом. Англія с 1921 года имѣет постоянный, мало мѣняющійся кадр безработных. Это люди без всяких надежд: они навсегда вытѣснены из промышленности. Пропастъ между производством и потребленіем будет все углубляться, и в ней погибнет не только соціальный строй, но и челоуѣческая культура. Единственным спасеніем, по мнѣнію технократов, является непрерывное уменьшеніе трудового дня для каждаго отдѣльнаго рабочаго с тѣм, чтобы число работающих непрерывно же возрастало. Если рабочій будет получать свой прожиточный минимум даже при двух-часовом рабочем днѣ — это не разорит, а обогатит народное хозяйство, так как тогда не будет безработных, существованіе каждаго будет оправдано и одновременно создан неисчерпаемый кадр потребителей товаров. Рузвельтовскій «код» предусматривает и неукоснительно проводит в жизнь идею уменьшенія трудовых часов и увеличенія количества рабочих. Проводит, правда, в очень смягченной формѣ, приспособляясь к мѣстным условіям. Для деревень уровень заработной платы и часы работы иные, чѣм для больших городов, различны они для западных штатов и восточных. Происходящія сейчас забастовки вызваны тенденціей рабочих требовать единого «кода» для всѣх Соединенных Штатов. В данном случаѣ Рузвельту приходится бороться с радикализаціей его собственных начинаній.

Наконец, Рузвельт ищет опоры в прошлом, и этот послѣдній источник вдохновенія для него лично наиболее характерен. «Три государственных мужа в нашей исторіи выдѣляются универсальностью своих идей и своими познаніями — это Вениамин Франклин, Томас Джефферсон и Теодор Рузвельт. Всѣ они были культурнѣйшими людьми в лучшем смыслѣ этого слова, и все же никто так, как они, не понимал страданій, нужды, надежд и опасеній миллионов своих сограждан. Джефферсон, по моему мнѣнію, мыслит глубже всѣх трех. Это был че-

ловѣк, который видѣл дальше всѣх и всегда знал, как скажутся мѣропріятія сегодняшняго дня на далеком будущем».

Джефферсон, подобно Вашингтону, был вымершим впоследствии в Соединенных Штатах представителем абсолютно независимой политики. Для него государственная дѣятельность являлась служеніем идеѣ им лично выношенной. Он был демократом в лучшем смыслѣ этого слова и боялся, что демократію загубит городская чернь, вооруженная избирательным бюллетенем. Только крестьянство, владѣющее землей, есть подлинная опора демократіи. Он боролся всѣми доступными ему средствами с преувеличенным значеніем городского торгового класса и его вліяніем на государственныя дѣла и проповѣдывал пуританскую честность в политикѣ: можно всю жизнь заниматься политикой и уйти в могилу без малѣйшаго грязнаго пятна. Джефферсона избрал своим идеалом Рузвельт.

Ни один диктатор не имѣет в своем распоряженіи таких полномочій и таких неограниченных средств, как Рузвельт. Они получены им законнѣйшим путем без разгона или смѣны парламента, без опоры на чернь и без похода на Вашингтон. Это единственный в исторіи случай послѣ Ликурга и Солона, когда первому чиновнику страны народ поручает произвести революцію. Ибо то, что намѣрен сдѣлать Рузвельт и что частично им проведено в жизнь, является несомнѣнным социальным переворотом. Как всякій социальный переворот, он характеризуется своей безповоротностью. Удастся ли опыт Рузвельта или нѣтъ, вернуться к исходному положенію послѣ всѣх происшедших измѣненій не будет никакой возможности.

Первоначальная программа National Industrial Recovery Act'a может быть сведена к слѣдующим шести основным положеніям: изгнаніе тѣней из промышленности путем рѣзкаго уменьшенія ея реальной задолженности помощью искусственной инфляціи; вливаніе новых средств в остановившіеся заводы непосредственно государством или через банки; повышение товарных цѣн импульсом той же инфляціи; увеличеніе покупательной способности населенія повышеніем заработной платы и созданием общественных работ в огромном масштабѣ; временное уменьшеніе предложенія товаров при помощи оградительных пошлин и сдачи на консервацию отсталых предпріятій;

уменьшеніе часов труда при одновременном увеличеніи числа **рабочих.**

Ровно год тому назад конгресс отпустил в распоряженіе президента для проведенія в жизнь его программы 3,3 миллиарда долларов. С тѣх пор множество заводов снова пришло в движеніе. Заводы остались во владѣніи прежних собственников, главным образом банков — обладателей контрольных пакетов; но государство, влив новыя средства и вдохнув жизнь в омертвѣвшія предпріятія, сдѣлалось как бы сопереимником прежних безсильных владѣльцев. Патологически уродливое плановое хозяйство трестов, картелей и синдикатов стало медленно оздоравливаться. Было бы легкомысленнѣйшей утопіей вѣрить, что столь рѣшительное вмѣшательство государства будет встрѣчено без сопротивленія или не будет сопровождаться неудачами. Слѣдует, однако, отмѣтить, что враждебныя соціальныя силы сопротивлялись нерѣшительно. У «сверхпоздняго капитализма» не хватило сердца для рѣшительной борьбы.

В еще болѣе трудном вопросѣ заработной платы достигнуты несомнѣнные успѣхи. Экономическая теорія удѣляла до сих пор очень мало вниманія роли заработной платы, как регулятора потребленія. Впервые заработная плата перестала быть только компенсаціей за труд, а сдѣлалась мѣрилом возможностей сбыта для промышленности.

Крестьянство западных штатов, обремененное долгами, требовало немедленнаго воздѣйствія, грозя чисто политическими осложненіями. Рѣзкое паденіе доллара облегчало бремя крестьянских ипотек, но оно же осложняло и тормазило попытки повысить реальную заработную плату для сельских рабочих. Безработица за истекшій год уменьшилась на один миллион.

Прошел всего только один год. Ошиблись тѣ, что ждали от «эксперимента» Рузвельта немедленной катастрофы, особенно в области денежнаго обращенія. Ошиблись и тѣ, что мечтали ускорить преодоленіе кризиса для возврата на прежнія позиціи. Новые, послѣдніе планы Рузвельта сводятся к измененію соціального уклада страны. Этим планам и отклику на них населенія слѣдует посвятить отдѣльную статью.

А. Савельев.

Идеи и жизнь

МОЛОДАЯ АНГЛИЯ

Наши газеты много занимаются английским фашизмом и английским коммунизмом, несмотря на подчеркиваемый ими легкомысленный характер того и другого. Но движения серьезные, свидетельствующие о волѣ к социальному обновленію, обходятся молчаніем. А между тѣм вся Англія охвачена социальным безпокойством и исканіями; люди готовы отказаться от многих вещей, казавшихся незыблемыми и строить новую жизнь. Поскольку это умонастроение проявляется в самом сердцѣ старой, консервативной Англіи, в церкви, в аристократіи, оно может быть названо движением національнаго покаянія. Но молодежь, освобождающаяся от традицій прошлаго, готова броситься в вилодушную, идеальную революцію. Так как классовая борьба в Англіи в настоящее время почти не говорит о себѣ, то революціонное настроение — слабое среди рабочих, сильное среди интеллигенціи — приобретает розовую окраску. Оно во многом напоминает предреволюціонныя настроенія интеллигенціи русской — с той существенной разницей, что перед английской нѣтъ жестокой стѣны власти, о которую разбивались усилія поколѣній. Государство пластично, и борьба идет покамест с предрасудками — буржуазно-либеральнаго міросозерцанія.

Сегодня нам хотѣлось бы остановиться на одном органѣ, и связанном с ним движении, молодой Англіи, который мы считаем нам дружественным и готовы назвать английским «Esprit». Журнал «New Britain» и сам считает себя близким к «Esprit» и ищет связей с другими близкими теченіями в Европѣ. Это еженедѣльник, иллюстрированный, очень дешевый (два пенса), очень боевой, предназначенный для массоваго распространенія. Расходясь в десятках тысяч экземпляров, пользуясь широкой рекламой, самой внѣшностью своею отражая техническій динамизм вѣка, «New Britain» имѣет возможность стать одним из центров массоваго движениа. Для теоретической работы издается трехмѣсячный журнал того же наименованія.

В «New Britain» пишет молодежь, большей частью не имѣющая литературнаго имени. Из болѣе извѣстных имен назовем в философіи Mac Murray, в экономикѣ Soddy, в политикѣ Oriver Baldwin. Много вниманія удѣляется вопросам искусства. Но главное мѣсто отдается политикѣ и экономикѣ. Еженедѣльные обзоры того, что со-

вершается в мiрѣ и в Англии, трепещут морально-облагороженной страстью. Их критика радикальна и непримирима, порою несправедлива, но всегда безукоризненна по своей этической ориентации. Английским патриотам можно простить то, что они считают британское правительство самым глупым, а то и самым подлым в мiрѣ. Каждый революционер обязан занимать такую позицию по отношению к своему домашнему злу. Но их английскій — виноват, британскій патриотизм (в Англии это строго различается: ср. великорусскій и русскій) — принимает характер настоящего мессіанства. Британія призвана рѣшить социальный вопрос нашего времени и вести за собою народы. Разумѣется, этот патриотизм совершенно безкорыстен и свободен от всяких забот об имперской политикѣ Англии. В этой области царствует самый розовый оптимизм: все устроится. Но капитализм и парламентская система Англии вызывают жестокую критику. Провозглашается лозунг полной социальной и политической революции — о, конечно, благородной и безкровной. Ключ к рѣшенію экономической проблемы, как и вездѣ в англо-саксонском мiрѣ, ищут в новой денежной системѣ. У каждой английской партіи или группы есть свой монетный реформатор. У «New Britain» это проф. Содди. Не останавливаясь на его теории, скажу, что практическим выводом из нея является разрыв обязательной связи между трудом и распределеніем. В вѣк «изобилія» товары могут раздаваться даром. Каждый человек, а не только трудящійся имѣет право на минимум благ. Трудовые процессы ведутся профессиональными корпораціями. Государство организовано по принципу тройственнаго раздѣленія функций: парламент политическій, парламент экономическій, парламент культурный. Характерно для Англии, что нео-британцы, ломая всю социальную жизнь, не посягают на права короля. Ему они обѣщают даже расширение его прерогатив.

«New Britain» отдѣляет от фашизма страстная защита личной свободы. В сущности, идея освобожденія, а не только порядка является движущей силой молодой Англии: освобожденія от традицій и предрассудков викторианскаго вѣка. В сущности, Англія переживает впервые свои шестидесятые годы, мѣряя русским временем, или 40-е, по французским часам.

С коммунизмом сводятся теоретическіе счеты. В идеологии все обстоит благополучно. На практикѣ, как в старой Россіи, дѣйствует принцип предреволюціонных эпох: нѣтъ врагов налѣво. Отсюда осторожное или прямо сочувственное отношеніе к странѣ ревлюціи, к Россіи, terra incognita для всѣх, даже культурных, англичан. О марксизм много говорят и спорят. Как и во Франціи, это не заплевневѣлая, а совершенно свѣжая тема. Но защитники марксизма, вродѣ Миддлтона Мерри, дают ему почти идеалистическую формулировку.

Дѣйствительно, «New Britain» строит свою политику на основѣ духа. Несвязанное никаким вѣроисповѣдным credo, оно утверждает

примать религиознаго міровоззрѣнія. Но как ни близко порой оно подходит к христіанству, есть в общем тонѣ и настроеніи журнала — не в богословских идеях, которым здѣсь нѣтъ мѣста — нѣчто такое, что плохо совмѣстимо с христіанством. Основной его паѳос — радостное самоутвержденіе личности и вѣра в легкое торжество добра. Этот столь распространенный в Англии духовный поток (покойный Лоренс был его выразителем) рождается в оппозиціи к пуританскому христіанству и легко переходит в мистическій паганизм. Во всяком случаѣ новая религиозность не знает грѣха и искупленія. В этом ея порок, который неизбежно оборачивается в политической сферѣ нечувствіем суровых реальностей жизни. Политика «New Britain» безтрагична и утопична. Она сама не знает, как ребенок, той силы зла, на борьбу с которой она возстала. Увы, островное счастье Англии не избавит ея от горькой чаши, которую пьет мір. Классовая борьба неизбежно разобьет ея великодушную идиллію. Тогда революція предстанет в своем настоящем, жестоком обликѣ, и для рыцарей духа это будет тяжелым испытаніем их вѣры.

Г. Федотов.

ПЛАН ТРУДА

Как ни смутна наша переходная эпоха, можно все же установить основныя нужды ея, ищущія удовлетворенія. Эгоистическое своеволие, личное и групповое, смѣняется служеніем общему благу, утрированный индивидуализм — солидарностью.

В сферѣ экономической — переход от хозяйства, основаннаго на стяжательных инстинктах, к хозяйству, управляемому в интересах націи.

В сферѣ политической — установленіе власти, достаточно сильной, чтобы справиться с групповым своекорыстіем (в особенности — с финансовыми и промышленными феодалами) и способной произвести необходимыя преобразованія.

Но процесс этот сопровождается губительными явленіями, принуждающими говорить о подлинной культурно-правовой катастрофѣ. Своего рода паразитическіе комплексы искажают порыв к должным переменам. Навязчивыя идеи обожествленія государства или расы знаменуют поправленіе личности и высших духовных цѣнностей. Со всей яростью темнаго фанатизма, народы направляются, полным ходом, в тупики — во имя идей, органически не связанных с основными потребностями нашего времени, но обладающих громадной паразитической силой, объясненіе которой надо искать преимущественно в «трамвѣ» великой войны. Надежда на спасеніе — в странах, спо-

собных, создать новый уклад, не впадая при этом ни в какую одержимость.

В прошлом номере «Новаго Града» я посвятил статью нео-соціализму; намѣчающему пути к соціально-политическому преобразованію Франціи.

Нынѣшняя статья, в большей своей части, посвящена бельгійской преобразовательной попыткѣ, борьба за которую разворачивается перед нашими глазами в маленькой странѣ, нерѣдко оказывавшейся своего рода показательной лабораторіей Европы.

Бельгійская политическая жизнь значительно отличается от французской. Имѣется лишь три больших партій: католическая, рабочая (соціалистическая) и либеральная, которая гораздо слабѣе первых двух. Кабинеты отличаются устойчивостью, смѣняются рѣдко. Коалиція католиков и либералов, правящая страной, чужда мысли о глубоких реформах и отсиживается на охранительных позиціях. Дѣло, однако, не так просто, так как мощная католическая партія потрясается рѣзкой внутренней борьбой. Католическіе рабочіе синдикаты и молодежь охвачены стремленіем к рѣшительным переменам, хотя и не имѣют четкой, осознанной цѣли. С другой стороны, недавній министерскій кризис вызван в значительной степени «младо-либералами», требующими «управляемаго» хозяйства. Показателем громкій отклик, который сразу же получили выступления Брокаерта. Еще недавно лояльный член католической партіи, сенатор, б. батонье, б. министр, Брокаерт внезапно начал в прошлом году бурную кампанію против злоупотребленій «гипер-капитализма», против вмѣшательства финансовых кругов в политику.

Найти новые пути доведется, быть может, бельгійской рабочей партіи. Скажу, кстати, что названіе ея — отвѣчает дѣйствительности. В нее входят профессиональные союзы и рабочіе кооперативы, и она насчитывает около 600.000 членов: громадное цѣлое, обслуживаемое своими кооперативами, просвѣтительными учрежденіями, спортивными организаціями, которыми бельгійскіе рабочіе немало гордятся. Но за послѣдніе годы стала как будто ослабѣвать душа, оживлявшая это, на бельгійскій масштаб, гигантское тѣло. Как и повсюду, соціалистическое движеніе уперлось в нѣкій тупик. Далекія цѣли тускнѣют, а повседневная работа, за послѣднее время неблагодарная и зачастую неудачная, не дает воодушевленія.

Рост недовольства сказался в усилении, особенно молодежью, лѣваго крыла партіи, поддавшася власти крайних лозунгов, призывов к революціонной борьбѣ, к бесплодным потрясеніям, что могло привести лишь к изоляціи рабочаго класса и усилению правых настроеній в странѣ. Господствовавшее реформистское крыло партіи, в отвѣт, усугубляло мелкотравчатость своей политики, давая подчас лѣвым словесное удовлетвореніе.

В результатѣ всего этого — топтанье на мѣстѣ, обезкураженность

народных масс, постепенно растущее разочарование в государственном строе, при котором, в тревожное и ответственное время, не находится выхода из положения. Постепенно и незаметно страна могла соскользнуть к какому-нибудь фашистскому государственному перевороту. Не надо забывать, что социальное и политическое недовольство усугубляются в Бельгии острой национальной борьбой. Крайние фламандские националисты, т. н. фламминганы, перейдя от борьбы за государственный дуализм к явному сепаратизму, пытаются разложить католическую партию, опирающуюся, в большой степени, на фламандских крестьян...

Какия же средства у рабочей партии для исцеления страны?

Она имеет — план Де-Мана.

За последние годы мысль невольно обращалась к автору «Преодоления марксизма» и «Конструктивного социализма». Казалось, что человек, поставивший во главу угла волевою действительность в сочетании с духовным ростом и творческим усилием большого стиля, боец и мыслитель, призван стать вождем, которого недостает современному социализму.

Живя последние годы в Германии, Де-Ман настойчиво указывал немецким социал-демократам на их роковые ошибки, но не мог преодолеть косности лидеров, боровшихся не с причинами зла, а лишь с симптомами его. После того, как катастрофа разразилась, Де-Ман вернулся в Бельгию. Его задачей стало найти для своей родины творческое преодоление хозяйственного и политического кризиса, спасти народное благосостояние и спасти демократический строй. Идея эта нашла быстрый отклик.

Хозяйственный совет синдикальной комиссии, возглавляющей бельгийские профессиональные союзы,¹⁾ обратился к Де-Ману с просьбой выработать план необходимых преобразований. Поручение это было выполнено. План, выработанный при содействии «Бюро Социальных Исследований»,²⁾ был одобрен «смешанной комиссией (профессиональные союзы, кооперативы, партия, бюро), а затем 15-го ноября 1933 года представлен и защищен Де-Маном перед соединенным собранием генерального совета рабочей партии и национального комитета синдикальной комиссии. Единодушно одобренный, он был окончательно принят 25-го декабря конгрессом рабочей партии, с небывалым воодушевлением и единодушием (563.451 голос при 8.500 воздержавшихся).

В чем же состоит самая идея «плана»?

Двухединая задача плана Де-Мана — преодоление хозяйственного кризиса и предотвращение кризиса политического, грозящего демо-

1) Находящиеся в орбите рабочей партии.

3) Создано самим Де-Маном при рабочей партии.

2) Создано самим Де-Маном.

кратическому строю. В кратком, лапидарном опредѣленіи, конгресс рабочей партіи ставит цѣлью «осуществленіе плана хозяйственнаго преобразованія, основаннаго на націонализаціи кредита, главнаго средства для созданія хозяйства, управляемаго в цѣлях развитія покупательной способности масс населенія, дабы обезпечить всѣм производительный труд и увеличить общее благосостояніе».

Таким образом, задача ставится не в классовом, а в обще-народном планѣ. В соотвѣтствіи с этим, конгресс обращается «ко всѣм классам населенія, страдающим от современнаго хозяйственнаго бѣдствія и ко всѣм людям доброй воли, без различія партій и вѣрованій, для общаго дѣйствія».

Изслѣдуя причины крушенія социализма во многих странах, Де-Ман отмѣчает охранительную, консервативную роль его. Защита существующаго положенія, которым, в сущности, всѣ недовольны; пассивная оборона от натиска с двух сторон; борьба, шаг за шагом, против постепеннаго ухудшенія положенія рабочих, изолирующая их от націи... При всем этом, гибель социализма и демократіи становится лишь вопросом времени. Кризис, так сильно подорвавшій престиж капитализма, в то же время необычайно затруднил защиту самых насущных рабочих интересов. При обѣдненіи всѣх стран, распредѣленіе уменьшившагося національнаго дохода происходит все болѣзненнѣе.

Де-Ман усматривает одну из главных причин побѣды фашизма — в отходѣ социалистическаго движенія к слишком ограниченным цѣлям, интересующим лишь индустриальный пролетаріат, между тѣм как растет недовольство средних классов, растет национализм, растравляемый хозяйственный войной государств, и увеличивается слабость парламентских учреждений. И Де-Ман приходит к своей знаменательной формулѣ: «Не реформа распредѣленія, а реформа структуры».

В борьбѣ за структурныя реформы, социализм переходит от обороны к наступленію, централизуя все растущее общее недовольство, проводя назрѣвшія преобразованія. Словом, он отказывается от принципа «наименьшаго зла» в пользу принципа большаго блага. Из обреченнаго на гибель — он становится непобѣдимым.

Но возможен ли союз со средними классами? Де-Ман указывает на их анти-капиталистическую настроенность, нѣсколько иную, чѣм у рабочих, и дает этому свое объясненіе. Мѣняется характер и капитализма, и средних классов. От прогресса и расцвѣта капитализм перешел к регрессу и сжатію. Финансовый капитал завладѣл главными отраслями промышленности, свободная конкуренція смѣнилась фактической монополіей, космополитическое фритредерство — националистическим протекціонизмом. Вмѣсто конкуренціи производителей — конкуренція стран...

Глубоко измѣнились и средніе классы, появились новыя категоріи их. Принято было думать, с легкой руки Маркса, что мелкая бур-

жуазія поступенно ослабѣвает, сходит со сцены. Это было отчасти вѣрно примѣнительно к старым средним классам, но совершенно неправильно по отношенію к новым, которые растут численно. В противоположность этому, число рабочих уменьшается вслѣдствіе «автоматизаціи» промышленности, что является новостью громаднаго значенія. Пролетаризація старых средних классов носила персональный характер, пополняя пролетаріат все новыми выходцами из мелкой буржуазіи. Пролетаризація новых — носит характер коллективный, сказываясь в их обѣдненіи, при чем их, основанное на іерархичности, чувство общественнаго достоинства лишь усиливается и растет их революціонное настроеніе.

Для старых средних классов характерна их социальная независимость, для новых — их подчиненность капиталу, их посредническая роль.¹⁾ Старые, борясь против режима свободной конкуренціи за режим монополіи (воспоминанія о корпоративном строѣ), борясь против прогрессивнаго окантализма, играли в хозяйственной области реакціонную роль, при всем своем революціонном демократизмѣ. Новые, подавленные монополіей финансоваго капитала, встают против режима монополій, против капитализма регрессивнаго, за хозяйственную свободу, будучи, в то же время, зачастую политически реакціонными... Но финансовый капитал и объективно является сейчас центральной позиціей капитализма, господствуя и над хозяйством и, в большой мѣрѣ, над государством и парализуя борьбу рабочих за свои интересы. Поэтому анти-капиталистическое единеніе средних классов с рабочим классом и возможно и цѣлесообразно именно в этом пунктѣ. Как это ни странно, не революціонность, а умѣренность социализма отвращает от него средніе классы. От мелкой борьбы за свои повседневные интересы, чуждые средним классам, давно пора перейти к борьбѣ за радикальныя реформы экономического строя.

Эти реформы, лишив финансовый капитал его командных позицій, должны в то же время устранить основныя причины кризиса, уничтожив недопотребленіе, увеличив покупательную силу внутренняго рынка и побѣдив безработицу.

Слѣдует подчеркнуть, что рѣчь идет отнюдь не о созданіи социалистическаго строя, а лишь о строѣ промежуточном, — идея, столь «ужаснувшая» Л. Блюма на памятном іюльском конгрессѣ 1933 года.

В интересах націи и при поддержкѣ ея, должна осуществиться «націонализація (т.-е. установленіе режима «*services publiques*») финансоваго капитала и, как слѣдствіе, монопольных форм капитала индустриальнаго... основывающих свою подавляющую силу на силѣ финансо-

¹⁾ Отсюда их быстрый рост. Напримѣр, развитіе автомобильной промышленности в Соединенных Штатах создало нѣсколько сот тысяч лиц, обслуживающих со стороны автомобильное дѣло.

ваго капитала». (Разумѣется преимущественно сырье и двигательная сила).

Характерной чертой новаго строя будет раздѣленіе хозяйства на два сектора: государственный и частный. В первый, помимо банков, войдут каменноугольная промышленность, электрическая и часть тяжелой металлургии. Все остальное хозяйство составит частный сектор.

Что разумѣет Де-Ман под націонализацией? Ни в коем случаѣ не бюрократизацию. В Планѣ особо оговорено предоставление органам, руководящим хозяйством, исполнительных полномочій, необходимых для быстроты дѣйствій и для сосредоточія отвѣтственности, во избѣжаніе опасностей этатизма.

Государство, уже играющее громадную роль в кредитной области, «увѣнчивает зданіе», учреждая Кредитный Институт, автономную государственную организацию, которая замѣнит частную монополию кредита — монополией в интересах нации. Частные банки останутся, но Кредитный Институт получит, путем выкупных операций, контрольные пакеты и сможет руководить дѣятельностью банков и распределять кредиты, приспособляя производство к нуждам расширеннаго рынка. Коммиссариат финансов, зависящій от законодательной власти, объединит управление кредитом и монетным режимом.

Что касается национализированных основных индустрій, законодательная власть создаст соотвѣтственные администраціи предприятий в видѣ консорциумов, точно так же получающих контрольные пакеты, при чем Кредитный Институт выдаст им довѣренность на соотвѣтствующія акціи, находящіяся в портфелях банков. Общее руководство принадлежит Комиссариату Индустрии, тоже отвѣтственному перед законодательной властью. Послѣдняя создаст также совѣщательный хозяйственный Совѣт при комиссариатах, с правом вносить предложенія в них и в парламент и контролировать дѣятельность комиссариатов и подвластных им органов.

Общей задачей управления обоими секторами будет согласованіе уровня производства и потребленія, при повышеніи их обоих. Но управление частным сектором будет, разумѣется, вестись косвенным способом, путем кредитной, валютной, торговой и фискальной политики государства, а также установленіем условій труда.

В капиталистической части частнаго сектора будет поддерживаться раскрѣпощенная конкуренція «в духѣ инициативы и изобрѣтательности, для развитія производительности, доходности и покупательной силы.

В «трудовой» части того же сектора, сохраняющей единство собственности и труда — поддержка этой собственности, для тѣх же обѣих цѣлей.

Итак, «частная монополия кредита, подчиняющая хозяйственную дѣятельность погони за частной прибылью, вмѣсто удовлетворенія

потребностей цѣлаго» составляет препятствіе к увеличенію покупательной способности населенія, и к увеличенію продукціи.

Бюро Соціальныхъ Изслѣдованій должно соотвѣтственно изучить возможность созданія плана, согласно которому емкость внутренняго рынка увеличится в 3 года на 50 фр., а в 5 лѣтъ — на 100 фр.

Познакомившись, в самыхъ общихъ чертахъ, с Планомъ Труда, читатель сразу же обратитъ вниманіе на наиболѣе оригинальную черту его: «раскрѣпощеніе хозяйства, возстановленіе конкуренціи. При этомъ, довольно логично, Де-Манъ исключаетъ изъ своего поля зрѣнія проблему корпоративнаго хозяйства.

Здѣсь, в самомъ дѣлѣ, надо выбирать. Корпоративный строй былъ бы гарантіей отъ недостатковъ этатизма, которыхъ Де-Манъ опасается настолько, что какъ будто изъеялетъ управленіе хозяйствомъ изъ компетенціи правительства.

Молчаливо подразумѣвая, что в частномъ секторѣ будетъ господствовать психологія буржуазнаго либерализма, Де-Манъ какъ будто недооцѣниваетъ силу общаго духовнаго сдвига. Возможно, что онъ сообразуется со спеціально-бельгійскими условіями. Вѣдь, и соотношеніе финансоваго и индустріальнаго капитала не вездѣ таково, какъ в Бельгіи, — хотя бы во Франціи.

Л. Блюмъ писалъ недавно, что французскій финансовый капитал, в виду своей распыленности, не поддается мѣрамъ, пригоднымъ для иныхъ странъ. А в Германіи «капитаны промышленности» говорятъ, быть можетъ, болѣе властнымъ голосомъ, чѣмъ финансовые магнаты. Но Де-Манъ и не предлагаетъ своего Плана в качествѣ панацеи. Указывалось на нѣкоторыя аналогіи Плана с совѣтскимъ хозяйствомъ. Рѣчь, очевидно, можетъ идти лишь о нѣпѣ. Но нѣп, помимо ряда коренныхъ различій, былъ данъ со скрежетомъ зубовымъ, какъ вынужденная временная уступка, и проводимая при прежнемъ террорѣ и безправіи населенія. Подобныя сравненія лишь затемняютъ сущность дѣла.

Хозяйственныя преобразованія требуютъ, согласно Плану, предварительной политической реформы. Для преодоленія разнаго рода сопротивленій, для быстрой и плодотворной работы, государство должно стать сильнымъ и независимымъ отъ частныхъ вліяній. Соотвѣтственная экономическая и политическая организація обезпечитъ независимость и авторитетъ государства и общественныхъ учрежденій по отношенію къ денежнымъ силамъ. Единая Палата депутатовъ упроститъ и приоровитъ къ современнымъ нуждамъ свои методы работы. При выработкѣ законопроектовъ ей будутъ способствовать совѣщательные совѣты, изъ лицъ высокой компетентности. Разумѣется, конституціонныя свободы и всеобщее избирательное право останутся незыблемыми.

Рабочая партія готовитъ кадры нѣсколькихъ тысячъ спеціалистовъ-руководителей и для агитаціи за Планъ, и для осуществленія его. Строится громадная организація, скрѣпленная и воодушевленная, и желѣзной дисциплиной. «Довѣренныя люди», вожди секцій, торжественно обя-

зуются безоговорочным повиновением в борьбу за План. Агитация ведется во всех кругах населения с большим подъемом, но и с немалой гибкостью и тактом. О результатах говорить еще рано, но нельзя не отметить глубокого впечатления во всех кругах и классах. Очень показательно, что, хотя премьер, граф Броквиль, и нападает на «вредные утопии», но многочисленные голоса в буржуазной среде подчеркивают неожиданную для них умеренность Плана.

Официальные верхи католиков и либералов остаются всецело на своей охранительной позиции, но молодые элементы обеих партий — глубоко потрясены. Что касается рабочей партии — она преобразилась, как по волшебству. Еще вчера раздиравшаяся борьбой безкрылых реформистов с утопическими революционерами, она вновь обрела и единство и воодушевление. Реформисты приветствуют практичность и немедленность преобразований; революционеры — их «структурный» характер. Их лидер, Спаак, на конгресс, всецело присоединился к Плану: «Идея — сила Плана — в радикальной перемене наших целей. В средних классах, в классе рабочем — колебание, отчаяние. Почему? Потому что долгие годы мы держались обороны и отрицания. Невозможно поддерживать энтузиазм, сохранять надежды, ограничиваясь словом: нет!». И далее: «Если политические события не развиваются по линиям Маркса, это не значит, что мы не должны исправить свои позиции». — Из ответа ДеМана: «Вы приняли на себя большую ответственность, Спаак. Вы принадлежали к наиболее недовольным, и это было понятно. Теперь недовольные должны стать авангардом начавшегося действия». Общая орация была ответом. —

«Мистика» Плана быстро завладела душой широких рабочих масс и имеет шансы захлестнуть за пределы и партии, и класса. В соответствии с духом времени, «мистика» эта стимулируется идеей завоевания власти. Прославления ярко волевого начала, упор на ведущую элиту — в большой чести. Настроения эти, не разрушая демократического уклона, могут «омолодить» его, придав ему небывалую действительность.

Рабочая партия, отказываясь участвовать во власти, если План не будет принят, готова зато на союз с любой партией, группой, организацией — принявшей План. Со времени своего основания, партия неоднократно подчеркивала широко-гуманитарную сущность своей идеологии, но, как и повсюду, была заведена марксизмом. Теперь же, она решительно отказывается от своей пролетарской исключительности и для осуществления Плана создает фронт труда, проникнутый всенародно-освободительным порывом. Делается попытка создать подлинное обще-трудовое объединение. Крестьяне и интеллигенты, рабочие и чиновники, комерсанты и техники, — «все люди доброй воли, без различия партий и верований» призываются создать сообща более счастливую Бельгию. Одни — во имя приближения к социализму, другие — под знаком «*Quadragesimo Anno*».

Это не значит, что страна замкнется в своих национальных рамках. По самым свойствам своего хозяйства (ввоз сырья, вывоз фабрикатов), Бельгия не может думать об автаркии, да и де-Ман и партия не отказываются от своих международных идеалов. Но, при надрыве международного хозяйства, при невозможности сговориться в рамках хотя бы европейских, остается лишь приложить усилия к преодолению кризиса и созданию управляемого хозяйства — в пределах национальных.

Невозможно предугадать, завершится ли успехом борьба за План Труда, получил ли он осуществление. Будем надеяться, что да, — и ради маленькой Бельгии, и ради великой Европы.

Сергей Жаба.

Книги:

Н. А. СЕТНИЦКИЙ. О конечном идеале. Харбин, 1932 (II+352).

На Дальнем Востоке в Харбине русская культурная жизнь не замирает, несмотря на тяжелые политические условия последнего времени. В 1932 г. в этом городе напечатана большая книга преподавателя юридического факультета Н. А. Сетницкого «О конечном идеале». Первая часть ее содержит в себе формальные основы учения о конечном идеале человечества в связи с критикой книги проф. П. Новгородцева (б. профессора философии права Московского университета) «Об общественном идеале» и статьи проф. Н. Устрялова «Проблема прогресса». Новгородцев путем научного анализа устанавливает, что «антиномия личного и общественного начала» не устранима в пределах земного бытия: «Гармония личности с обществом возможна лишь в том умопостигаемом царстве свободы, где безусловная

и всепроникающая солидарность сочетается с бесконечностью индивидуальных различий. В условиях исторической жизни такой гармонии нет и быть не может» (Об общественном идеале, 3-е изд., стр. 141). Отсюда становится понятным констатируемый Новгородцевым факт «крушения вьры в совершенное правовое государство», а также вьры в социализм и анархизм, вообще «крушение идеи земного рая». Относительной правды достижений современного правового государства, а также исканий социализма и анархизма Новгородцев не отвергает, но он устанавливает несоизмеримость их с идеалом абсолютного добра. Поэтому, чтобы не попасть в безвыходный тупик, необходимо строить идеал земного общества, имея в виду «свободу бесконечного развития личности, а «не гармонию законченного совершенства» (стр. 25).

Устрялов переносит вопрос о

прогрессъ и конечном идеалѣ в область религиозныхъ ученій в связи с проблемою зла и добра. Признавая трагизм эмпирической дѣйствительности, в которой жизнь отдѣльнаго человѣка и развитіе общества пронизаны неустранимыми антиноміями, онъ утверждаетъ, что абсолютное совершенство есть «божественная задача», «выше человѣческихъ силъ»: она осуществляется путемъ преображенія природы человѣка и всего міра, путемъ рѣзкаго перехода в иное, высшее царство бытія.

В противоположность Новгородцеву и Устрялову, Сетницкій задается цѣлью защищать ученіе о воплотимости идеальнаго совершенства на землѣ. Онъ считаетъ эту мысль обязательною для христіанина уже в виду текста Священнаго Писанія: «И Слово стало плотью и обитало с нами»... (Ев. отъ Іоанна, I, 14). Положеніе «Богъ вочеловѣчился, чтобы мы обожились», глубоко усвоенное восточными отцами Церкви и черезъ нихъ православіемъ, онъ понимаетъ, какъ указаніе на то, что человѣчество способно воплотить в себѣ всю полноту совершенства при условіи, что оно активно, творчески осуществляетъ процессъ обоженія и притомъ не какъ отдѣльныя лица, а какъ все человѣческое многоединство (21).

Крушеніе всѣхъ идеаловъ совершенства, которые были до сихъ поръ распространены и вліятельны в историческомъ процессѣ, Сетницкій объясняетъ тѣмъ, что они были д р о б н ы м и и, слѣдовательно, дефектными. Всѣ они ми-

ряются с фактомъ смерти, проектируютъ рай только для нѣкоторой группы избранныхъ: в христіанскій рай входятъ лишь праведники, а в коммунистическій — лишь тѣ люди, которые дожили до перелома, причемъ и они рано или поздно обречены на смерть. Цѣлостный идеалъ, по замыслу Сетницкаго, содержитъ в себѣ планъ безсмертнаго, счастливаго существованія всѣхъ людей безъ исключенія и опредѣляетъ способы воплощенія его (стр. 66). Символически выраженъ цѣлостный идеалъ, по мнѣнію Сетницкаго, в Апокалипсисѣ; вторая часть его книги содержитъ в себѣ попытку истолковать символы апостола Іоанна. В современной литературѣ очеркъ цѣлостнаго идеала онъ находитъ в ученіи русскаго философа Н. Ф. Федорова (умеръ в 1903 г.), собраніе статей котораго было издано с успѣхомъ подъ заглавіемъ «Философія общаго дѣла».

Свое ученіе Федоровъ связывалъ с христіанскою религіею, именно с православіемъ, какъ тѣмъ вѣроисповѣданіемъ, которое особенно цѣнитъ идею воскресенія (праздникъ Пасхи) и вѣчной жизни. Долгъ человѣка — вступить на путь **с у п р а м о р а л и з м а**, осуществить синтезъ теоретическаго и практическаго разума и стать разумомъ вселенной. Путемъ знанія и дѣйствія человѣкъ долженъ превратить всѣ силы природы, теперь слѣпыя и часто враждебныя человѣку, в орудія и органы человѣчества. Достигнувъ управленія природою, человѣчество можетъ преодолѣть смерть; мало того, оно можетъ и должно по-

ставить задачу трудового воскрешения всех своих предков. Став многоединым, подобно Троици Божію, Отца, Сына и Духа Святого, человечество достигнет такой «нераздельности и неслиянности», при которой невозможны никакіе распады, никакая изоляція, т.-е. смерть. К числу важнѣйших средств для достижения этой цѣли принадлежит знаніе и соотвѣтствующая техника. Человѣкъ должен овладѣть атмосферическими явлениями, каптировать атмосферическое электричество; далѣе, подчинив себѣ электро-магнитную энергію Земли, он должен научиться управлять движеніем ея, т.-е. превратить Землю в Землеход. Тогда станет возможным расселеніе человечества на других планетах и вообще небесных тѣлах.

Общественный порядок, существовавшій до сих пор, Федоров называет зооморфическим: он основан на раздѣленіи сознающих и руководящих органов от исполняющих органов. Отсюда неизбежны сословныя или классовыя разъединенія. Идеальный общественный строй, по Федорову, должен быть построен на единствѣ сознанія и дѣйствія. При нем нѣтъ раздѣленій на сословія и классы, нѣтъ военного и полицейскаго принужденія, нѣтъ также «деміургической», т.-е. ремесленной дѣятельности, оформляющей извнѣ данные матеріалы и отношенія. В идеальном строѣ, который Федоров называет «психократією», каждое лицо исполняет свой долг, сознавая необ-

ходимость стоящих перед ним задач.

Сетницкій утверждает, что сближеніе знанія и дѣйствія осуществляется в Совѣтской Россіи, гдѣ научная дѣятельность понимается, как «своеобразная командировка» способных лиц для выполненія ими «повинности познания» слѣпых и убійственных сил природы и, кромѣ того, требованіе, чтобы всѣ дѣятели, исполняющіе ту или иную социальную функцію (служащіе и чиновники), в то же время осуществляли работу изученія и познания в той сферѣ дѣятельности, которая им поручается». Точно так же во многих технических проектах совѣтскаго правительства он усматривает «несомнѣнное воздѣйствіе и осуществленіе федоровских идей, хотя по большей части его имя, как окрашенное весьма сильно в религіозные цвѣта, не упоминается и даже смысл и связь этих дѣл с замыслами Федорова не сознается. Так, наиболее ярким примѣром в этой области является рецепція в совѣтской дѣйствительности того направленія, которое придано Федоровым борьбѣ с засухой». «То же самое слѣдует сказать о послѣдних проектах использованія водных путей СССР» (проблема «Большой Волги», орошенія Туркестана и т. д., стр. 82).

Можно было бы здѣсь указать и еще болѣе смѣлые замыслы, обсуждавшіеся в совѣтской прессѣ, напримѣр, проект отепленія Сибири путем измененія пути Гольфстрема и отклоненія полярных льдов к Англій с цѣлью за-

морозить ее, как страну, являющуюся воплощеніем ненавистнаго капитализма. В дѣйствительности, как извѣстно, даже и осуществимые техническіе проекты не ведут в Совѣтской Россіи к возрастанію матеріальнаго благополучія. Достоевскій давно уже предсказал, что попытка строить «Вавилонскую башню» только на основах науки «без Бога и религіи», без нравственнаго обоснованія общественных отношеній, как это дѣлается совѣтскими коммунистами, неизбѣжно приведет к совершенному обнищанію и омертвенію.

Призыв Сетницкаго осуществлять идеальное совершенство на землѣ, а не в потустороннем Царствѣ Божіем глубоко отличается от совѣтскаго строительства тѣм, что опирается на христіанскую мораль, не допускающую третированія цѣлых групп населенія, как навоза для удобренія полей, жатвою с которых будут питаться будущія поколѣнія. Он хочет построить царство счастья для всѣх без исключенія. Однако для него, как и для Н. Федорова, характерно чрезмѣрное преувеличеніе значенія техники, регулирующей природу. Послѣдній шаг для достиженія абсолютнаго совершенства осуществляется не техникою, а глубоким нравственным перерожденіем человѣческаго я, свободным преодоленіем в себѣ всякой эгоистической исключительности, т.-е. поднятіем на ту ступень, на которой человѣкъ подлинно любит Бога больше себя, и ближняго, как самого себя. Слѣдствіем этого внутренняго

переворота является преобращеніе тѣла, столь глубокое, что техника, управляющая непрочнаю матерією, становится излишнею. Однако в земных условіях, гдѣ этот идеал не осуществлен, человѣкъ нравственно обязан использовать и нашу технику для максимальной гармонизаціи жизни, достижимой в земных условіях. Как раз в наше время человѣчество начинает ставить все болѣе смѣлыя техническія и соціальныя задачи. Для работы над ними нужен энтузіазм, доводящій человѣка до самозабвенія, побуждающій считать рѣшеніе их осуществленіем Царства Божія на землѣ, а не просто одним из этапов на пути к совершенству. Быть может, это одна из уловок «хитрости разума» (термин Гегеля), руководящаго историческим процессом, что в наше время появляются такія ученія, как философія Федорова и Сетницкаго, черезчур преувеличивающіе значеніе техники.

Н. Лосскій.

Friedrich v. GOTTL-OTTLI-LIENFELD. Der Mythos der Planwirtschaft. Verlag Gustav Fischer. Jena 1932. S. 114.

В настоящее время каждый экономист так или иначе подходит к проблемѣ государственнаго вмѣшательства в хозяйственную жизнь. Не только в научных книгах, но и в газетах постоянно приходится встрѣчать разныя соображенія о пользѣ или вредѣ «плановаго хозяйства»,

причем авторы вкладывают в это понятие различное содержание. Получается впечатление, что этот научный термин превратился в боевой лозунг и служит противоположным политическим страстям. Поэтому появление небольшой, но весьма содержательной и вполне научной книги о плановом хозяйстве, написанной теоретическим отцом рационализации и авторитетным экономистом экономистом Фридрихом фон Готль, не может не обратить на себя внимание специалистов. Автор поставил себе интересную и полезную цель разобраться в возможных значениях термина «плановое хозяйство» и наметить границы для здорового вмешательства государства в хозяйственную жизнь.

Являясь противником экономического либерализма в его чистой форме и считая принцип «laissez faire» за вредный миф, фон Готль все-же отказывается признать за свободным хозяйством его якобы совсем бесплановый и как-бы даже анархический характер. Он справедливо отмечает, что и в условиях экономического либерализма народное хозяйство подчиняется «техническому регулированию» со стороны отдельных единичных хозяйств и не может избежать действительного вмешательства торговых традиций и обычного права. Однако это по существу «свободное» регулирование хозяйственной жизни еще не создает планового хозяйства, так как оно лишено единой руководящей идеи — что впрочем не

означает победы хаоса над разумом. Не имеет такой идеи также и «принудительное регулирование» со стороны частных хозяйственных монополий и профессиональных объединений. Лишь вмешательство государства в свободную игру производительных сил, даже элементарными мерами повседневной экономической политики, приносит некоторую подлинную «плановость» в техническое и бытовое регулирование хозяйства со стороны его частного сектора. Отсюда фон Готль заключает, что частичное проявление «планового хозяйства» присуще всякой исторической стадии капитализма. Если все-же эта система не является по существу плановой, то это можно объяснить лишь тем, что экономическая политика капиталистического государства не проявляет должной согласованности всех своих мероприятий. Только рационализация государственного вмешательства в экономику страны в духе той или иной направляющей идеи, хотя бы и не имеющей «целостного» характера, может создать — по мнению автора — единственно возможную форму планового хозяйства, в которой техническое регулирование со стороны частного сектора найдет для себя полезную, а подчас и необходимую, корректуру в форме регулятивного этатизма. Отсюда мы видим, что фон Готль не мыслит планового хозяйства в интегральном виде, где плановый момент сказался бы не только в рационализации экономической поли-

тики, но и в поглощеніи технического и бытового регулирования принудительным хозяйственным планом государства.

К сожалѣнію, автор придает столь большое значеніе упорядоченію государственного вмѣшательства в хозяйственную жизнь в его настоящих переходных формах, что не отдает себѣ должнаго отчета в тѣх грандіозных и активных задачах, которыя ставятся перед государством дальнейшей эволюціей капиталистическаго строя. Хотя фон Готль признает, что регулятивный этатизм вырос за послѣдніе годы, он все-же считает это явленіе случайным и несущественным. По мысли автора государственное вмѣшательство развивается волнообразно и не является показателем каких-либо структурных измѣненій в капитализмѣ. Даже рационализациа экономической политики государства, создающая «плановое хозяйство» *sui generis*, не реформирует, а лишь нѣсколько усовершенствует (по его мнѣнію) хозяйственный строй, устраняя хаос, вызываемый случайными мѣропріятіями власти, и обеспечивая государству возможность дѣйствительнаго вмѣшательства при перебоях в техническом и бытовом регулированіи со стороны частнаго сектора.

Нам думается, что стремленіе автора разрушить легенду о постепенном востаніи капитализма в интегральное плановое хозяйство, которое он вообще считает практически неосуществимым, приводит его, к сожалѣнію, к явной

переоцѣнкѣ повторяемости экономических явленій. Вѣдь никогда рост регулятивнаго этатизма не был столь неизбежен как в условиях современнаго глубокаго разрыва между производством и потребленіем, вызваннаго послѣдней технической революціей. Въ дальнѣйшаго осторожнаго расширения государственнаго вмѣшательства в народное хозяйство сейчас не может быть дѣйствительной рационализациа экономической политики, которую так настоятельно рекомендует фон Готль. К тому-же подчиненіе принудительнаго регулирования со стороны государства единой руководящей идеѣ не сможет не вызвать в данном хозяйствѣ цѣлаго ряда существенных реформ в духѣ господствующаго міровоззрѣнія. Не подлежит сомнѣнію, что содержательный и весьма полезный труд фон Готля выиграл бы в своем объективном значеніи и даже в логической стройности, если бы автор отказался от своего утвержденія, что рост регулятивнаго этатизма, наблюдаемый в наши дни, является лишь періодическим явленіем.

Б. С. Ижболдин.

FEDOR STEPUN. Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Bern/Leipzig. Gotthelf-Verlag, 1934.

Это небольшая, блестяще написанная книжечка двойким образом связана с «Новым Градом»: именем автора, одного из его ре-

дакторов, и той общностью историко-философских идей, которая его связывает с двумя другими. Об этой связи свидетельствуют и цитаты из их книг в первых главах, дающих схематический портрет старой России: природа, крестьянство, интеллигенция, монархия. Но и в здѣсь, конечно, вклад самого автора весьма значителен, и русский читатель узнает многія из «Мыслей о Россіи», печатавшихся годами в «Современных Записках». Такова основная степуновская интуиція русской религиозности, которая непосредственно связывается им с созерцаніем русской земли: как безконечность (максимализм) и безформенность (варварство). Большевизм для автора есть «псевдоморфоза», или отрицательная форма этой русской религиозности. В анализѣ русской революціи и особенно идей ленинизма, которому посвящена вторая часть, Степун вполне оригинален и вполне свободен от возможнаго упрека в схематизмѣ. Убийственно вскрыты всѣ парадоксы марксизма в крестьянской революціи, дана мастерскими штрихами философія революціи, как таковой, с ея гибелью реакціонных и революціонных идеологій, и даже нарисован конкретный образ большевистской диктатуры первых лѣтъ, беспощадный и правдивый. Ярко вскрытыя безумія и мнимость революціи, как идеологии, не отбрасывают автора в контр-революціонный стан. По новгородски он борѣтся против большевизма и слѣва и справа за новую Россію, трезвую и очищенную страданіем, призванную к

«примиренію идей» на почвѣ, удобренной пеплом «идеологій». Нужно ли говорить о мастерствѣ, с которым написана книга? Тѣм из наших читателей, кто знает лишь русскаго Степуна, скажем, что, повидимому, нѣмецкій язык дает полную мѣру всѣх возможностей его стиля. Этот пьянящій кубок, гдѣ философскія абстракціи играют и искрятся с легкостью, не отнимающей ничего у глубокой, порой трагической серьезности, только и возможен для языка Гете и Ницше. Степун владѣет им, как артист и как мыслитель.

Г. Ф.

МЕЧ. Еженедѣльник. Варшава.
№№ 1-6.

Новый журнал является органом объединенія двух литературных кружков: парижскаго и варшавскаго, группирующихся вокруг обоих редакторов — Мережковскаго и Философова. В отличіе от большинства литературных предприятий эмиграціи, новый журнал хочет быть не просто литературой, а глашатаем эмигрантскаго активизма. Опасности, угрожающія застою и смерти нашему зарубежному литературному стану, показаны вѣрно и безстрашно. Не совсѣм ясны средства, предлагаемыя для их преодоленія. По словам передовой статьи перваго номера, «в редакціи нашей (т.-е. варшавской), дѣлается особый «нажим» на активизм политическій. В Парижѣ дѣлается «нажим» на активизм идеологическій и творческій». Дѣйствительно, у нас создается впе-

чатлѣніе, что спайка двух групп носит нѣсколько случайный и личный характер. Думаем, что для многих парижан, их участие в журналѣ объясняется крайней аполитичностью и равнодушіем к варшавским методам активизма. Лишь о послѣднем мы от лица «Новаго Града», как органа тоже социально-политическаго активизма, обязаны скаазть нѣсколько слов. Чисто политических статей в «Мечѣ» не много, но онѣ характерны. Сама редація объявляет войну «казенному демократизму» во имя «здороваго націонализма». В нѣскольких письмах из Франціи г. Рязанцев дает анализ февральских событій и настроеній молодежи с точки зрѣнія ея крайне-праваго націоналистическаго крыла. По его словам, во Франціи торжествует Гобино, и «единственной живительной струей, которой мы дышим, является Германія». (Цитата из «La revue hebdomadaire»). Конечно, в настроениях французской молодежи можно найти все, что угодно. Мы ищем единомышленников среди группы «Esprit» и не можем запретить Рязанцеву искать их сре-

ди французских гитлеровцев. В № 6 в статьѣ Браунера «Меч» успѣшил дать апологию болгарскаго переворота. Если прибавить, что свобода вообще не значится в числѣ тѣх цѣнностей, которыя собирается защищать журнал, что анти-фашистскія настроенія бичуются как смѣшной миѳ, то мы вправѣ расшифровать активизм «Меча», как попытку литературнаго выраженія фашистских настроеній в русской эмиграціи. Характерно, что, по свидѣтельству редакціи, ея стремленія «нашли живой отклик в кругах Национальнаго Союза Новаго Поколѣнія». В такой средѣ защита Мережковским религіознаго гуманизма и слова Злобина о свободѣ повисли в воздухѣ. Говорим это с чувством большой горечи, так как до сих пор привыкли видѣть Д. С. Мережковскаго и его друзей в рядах защитников свободы. Но такова печальная логика политическаго активизма. Меч не обоюдоострый, бьющій только налево (или направо), неизбѣжно обращается против свободы.

Г. Ф.

Le Gérant : I. Rossel-Chiot.

Imp. S.N.I.E., 32, rue Ménilmontant, Paris (20e).

Цѣна 10 франц. фр.

REVUE TRIMESTRIELLE

Dépositaire: YMCA-Presse
10, Boulevard Montparnasse, 10.
P A R I S